

Лана
ПИРАТОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

БЫВШИЙ МУЖ ВЫ МОИ

Навсегда

18+

Лана Пиратова
БЫВШИЙ муж. Вы мои навсегда
Серия «БЫВШИЙ муж.
Игорь и Инна», книга 2

*<https://litres.ru/73795911>
SelfPub; 2026*

Аннотация

— Доктор, вы уверены? — я едва сдерживаю рвущийся из горла всхлип.

Это не может быть правдой! Пожалуйста, нет! За что?

— Дорогая моя, — женщина в форме мило улыбается и смотрит на меня из-под очков, — я двадцать лет говорю женщинам об этом. И ещё ни разу не ошиблась. Вы беременны.

Закрываю лицо руками в попытке спрятаться от действительности.

Это какой-то злой рок. Одна проблема за другой. И всё из-за одного человека!

Я знаю, чей это ребёнок, и из-за этого сейчас так колет в сердце. Потому что ему не нужен этот ребёнок.

Слышу, как тяжело вздыхает врач.

— Понятно Срок ещё небольшой и вы можете

Но договорить у неё не получается, потому что дверь в кабинет с грохотом распахивается и я прижимаю ладонь ко рту, сдерживая вскрик, когда вижу в дверном проёме его, отца моих детей.

Одна ошибка.

Жестокая попытка моего бывшего мужа доказать что-то. И как результат — две полоски на тесте. К чему это нас приведёт? Отдалимся ли мы ещё больше друг от друга или?

Содержание

Глава 1. Игорьъ	6
Глава 2. Игорьъ	9
Глава 3. Игорьъ	12
Глава 4. Инна	17
Глава 5. Инна	22
Глава 6. Инна	27
Глава 7. Инна	31
Глава 8. Инна	35
Глава 9. Инна	40
Глава 10. Инна	47
Глава 11. Инна	52
Глава 12. Игорьъ	57
Глава 13. Игорьъ	64
Глава 14. Игорьъ	69
Глава 15. Игорьъ	73
Глава 16. Инна	80
Глава 17. Инна	84
Глава 18. Инна	89
Глава 19. Инна	92
Глава 20. Инна	96
Глава 21. Игорьъ	101
Глава 22. Игорьъ	105
Глава 23. Игорьъ	108

Глава 24. Игорь	114
Глава 25. Игорь	120
Глава 26. Игорь	124
Глава 27. Инна	131
Глава 28. Инна	135
Глава 29. Инна	141
Глава 30. Инна	145
Г	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

БЫВШИЙ муж. Вы мои навсегда

Глава 1. Игорь

Впервые за долгое время я не могу разобраться в своих ощущениях.

Внутри словно пожар, из которого языки пламени до мурашек обжигают рёбра, вспарывая грудную клетку. Но одновременно на них накатывает ледяной айсберг из прошлых обид и ненависти. И я не могу понять, что сильнее. Моё прошлое или это... настоящее... которое какого-то чёрта ворвалось в мою уже устоявшуюся и размеренную жизнь. Ворвалось и дерёт сердце на куски. Измывается, наслаждаясь моим непониманием.

— Горский, отпусти меня...

Тихий голос заставляет поднять взгляд со стола. С трудом, но надеваю непроницаемую маску, к которой привык за эти годы. Удобно и наверняка. Чтобы никто не посмел влезть! Не хочу никого впускать. Хватит.

Моя бывшая жена стоит сейчас передо мной в моём кабинете. Я чуть запрокидываю голову, касаясь затылком подголовника кресла. Не моргая, слежу за ней.

Что в ней такого?!

— В смысле «отпусти»? — не скрываю ухмылки в голосе и чуть сощуриваюсь.

Сильная и независимая. Такой она хочет казаться. И ей ведь почти удалось это. Я почти поверил, Инна. Почти. Потому что у меня чутьё на людей. Поэтому я смог достичь всего. Я без труда читаю тебя.

И да, я оказался прав. Играла ты, конечно, хорошо, но... но... но...

Ухмыляюсь самодовольно, вспоминая вчерашний вечер.

— Уволь, — тоже поднимает на меня взгляд. — Просто уволь и всё. Без оставшихся дней отработки. И забудем...

Сжимаю губы, не скрывая злости.

Забудем?! Забудем, мать твою?!

Ничего не изменилось значит, да, Инна?!

— Ты отработаешь весь положенный по закону срок, Инна, — произношу вслух ровным голосом. — То, что произошло вчера... — уголок моих губ дёргается. — Ничего не значит для меня. Для тебя, надеюсь, тоже...

И вспышка во взгляде знакомых глаз. Опаляющая своей ненавистью вспышка.

А у меня в памяти сразу контраст! Со вчерашним её взглядом. Также играла?

Смотрим неподвижно и молча в глаза друг друга. А они у неё как будто стеклянные. Я не вижу в них Инну. Ту Инну, которую помню. Ту, которая вчера вспыхнула в моих руках.

Она молчит и мне приходится самому продолжить. До-

ставляет ли этот разговор мне удовольствие?

Что за вопросы?! Злюсь ещё больше.

— Давай просто забудем о вчерашнем и вернёмся к работе, — расслабленно выдыхаю. — Притворяться ты умеешь, — не могу не воспользоваться моментом, чтобы уколоть её. — Так вот, притворись, что ничего не было. Я тоже сделаю вид, что мы просто бывшие муж и жена. Что нас больше никогда ничего не свяжет. Просто коллеги, — хмыкаю. — Да, Инна?

Заводит руки за спину и поднимает подбородок. Уверенности во взгляде, конечно, нет. Но есть что-то другое. Что-то, что даёт ей силы. И это злит меня ещё больше.

Но показывать ей свои эмоции не буду. Ни перед кем я больше не раскрываюсь. А перед ней — тем более.

— Я поняла вас, Игорь Витальевич, — звучит непривычно ледяной голос Инны. — Я могу идти? Работать, — то ли цедит, то ли шипит.

— Разумеется, — благосклонно отпускаю её, не сводя взгляда с тонкой фигуры, шагающей к двери. — Инна, — зову, когда она уже берётся за ручку.

Оборачивается. Блуждаю взглядом по чужому сейчас лицу.

— Соедини меня с невестой, — бросаю небрежно. — Сейчас.

Глава 2. Игорь

Дверь за Инной захлопывается и я впиваюсь взглядом в деревянную обшивку.

Я должен чувствовать радость, испытывать наслаждение. У меня же получилось сделать ей больно. Она, хоть и не показала, но больно ей.

Я должен быть доволен. Доволен?

Одним движением скомкиваю пальцами лист бумаги на столе и швыряю его в урну. Вот, если бы так же можно было бы скомкать и выбросить свои эмоции?

Звонок коммутатора.

Нажимаю на кнопку.

— Ваша невеста просила передать, что у неё сейчас процедуры и она не может с вами разговаривать, — Инна не скрывает своего раздражения в голосе.

А у меня странная реакция опять. Я слышу её голос и в груди словно угольки вспыхивают. Они почти затухли, стоило ей покинуть мой кабинет. А теперь опять.

Ничего не отвечаю. Просто отключаюсь. Встаю и иду на выход.

— Меня сегодня не будет, — бросаю, зыркнув коротким взглядом на Инну.

И, не прощаясь выхожу из кабинета.

Я еду на деловую встречу с другом. Может, так мозги про-

ветрю. Подальше от этой...

Дима уже в ресторане и я прохожу и сажусь за столик, расстёгивая пиджак.

— Здорово, — он протягивает мне руку и я отвечаю. Смотрит на меня, подняв взгляд от меню. — Что-то ты неважно выглядишь. Случилось что?

— Всё нормально, — отвечаю сухо. — Так, по работе запару немного, — хмурюсь и утыкаюсь взглядом в меню.

Читаю слова и нихера не понимаю.

— Как Инна? — неожиданно спрашивает меня Дима и я быстро вскидываю на него подозрительный взгляд.

Почему он спрашивает?

— Как работаете вы вместе? — он произносит это, а сам удивлённо смотрит на меня. — Ты чего, Игорь? Точно всё в порядке?

Похоже, заметил мою реакцию.

Делаю глубокий вдох, заставляя себя расслабиться. Что я как придурок себя веду? Ничего не произошло особенного. Ну, переспал с бывшей женой вчера. Что такого?

Мне нужно было это сделать. Чтобы успокоиться. Убедиться, что всё.

Успокоился, чёрт! И добавляю парочку крепких слов мысленно.

Только хуже сделал!

— Инна дорабатывает двухнедельный срок и увольняется, — отвечаю как можно спокойнее, делая заказ официанту. —

Надеюсь, больше наши пути не пересекутся, — снова смотрю на друга.

Дима приподнимает левую бровь, отводя взгляд в сторону и почёсывая нос кончиком указательного пальца.

— Ты не пробовал поговорить с ней? — спрашивает почему-то.

— Да о чём?! — я не выдерживаю и взрываюсь. — Что ты всё об Инне да об Инне?! — хмурюсь. — Хватит. Давай по нашим делам!

Дима почему-то усмехается коротко и кивает:

— Ну, давай.

Глава 3. Игорь

После встречи с Димой я еду к Евангелине. Она уже должна быть дома. Она звонила пару раз, пока я разговаривал с Димой, но я сбрасывал. Не люблю, когда отвлекают.

Дима тоже какой-то мутный. Что с ним? Рассеянный сегодня был и задумчивый. По сто раз приходилось спрашивать.

С Инной этой ещё пристал. К чему бы это?

Если бы я не знал его жену, то, наверное, подумал, что он решил подкатить к Инне.

Чёрт.

Эта мысль неприятна. Пальцами ослабляю галстук и сильнее впиваюсь в руль машины.

Конечно, она мне неприятна. Потому что я не желаю своему другу испытать с Инной то, что испытал я.

Да, именно поэтому.

Да что за чушь вообще!

Что я опять о ней думаю?!

Давлю на газ и через несколько минут оказываюсь у дома Евангелины.

— Любимый, а я думала, ты уже забыл о своей кошечке!
— стоит мне появиться в её квартире, как она бросается мне на шею и прижимается всем телом. — Вчера не приехал... а я ведь ждала... — надувает сделанные за мой счёт губки.

— На работе пришлось задержаться, — хмуро отвечаю

я, злясь на Евангелину за то, что и она, чёрт бы её побрал, напоминает мне о вчерашнем.

Все как сговорились!

Плюхаюсь на диван и откидываю назад голову. Прикрываю глаза. Что-то так задолбало всё...

— Вот поэтому и надо нам в отпуск полететь, Игорёша, — тут же над ухом звучит голос Евангелины. — А у меня для тебя сюрприз есть!

Она садится на меня и обвивает шею руками. Смотрит довольная.

Тоже смотрю на неё серьёзно, а потом достаю из кармана свой загранпаспорт. Испорченный разумеется.

— Это вот твой сюрприз? — хмыкаю и сую в лицо Евангелины разворот со своей разукрашенной физиономией.

Рога эти ещё! Ну, всё правильно! Наставила мне рога Инна и решила напомнить об этом?!

От злости из груди вырывается рык.

Евангелина испуганно хлопает огромными ресницами.

— Что это? — голос её дрожит.

Неуверенно берёт мой паспорт в руки и внимательно рассматривает. Злит опять.

Выхватываю паспорт и швыряю его на пол.

— Это твой сюрприз! — матерюсь, не скрывая своего раздражения.

— Но я... я же... я... — лепечет Евангелина, продолжая хлопать изумлённо глазами. — Это не я...

— Знаю, — бурчу зло и легонько сталкиваю её с себя. Встаю и иду к окну.

Смотрю на улицу, засунув руки в карманы брюк.

— Это она! — вдруг слышу за спиной голос Евангелины.

Оборачиваюсь и вижу, как она, сощурившись, смотрит на стенку и явно что-то усиленно обдумывает. Евангелина редко таким занимается. Думать — вообще не её.

Может, поэтому я с ней? Размышляю, глядя на свою невесту.

Она не усложняет мне жизнь. Живёт легко и меня не грузит проблемами. Самая большая проблема Евангелины — купить новую тряпку.

Идеально.

— Она! — цедит сквозь зубы, переводя взгляд на меня.

— Я так и знала! Уволь её! — кричит мне.

— Кого? — спрашиваю устало.

— Помощницу свою! Как её там? Это же она! Она специально! Как и платье! Это она! Я же ей отдала наши паспорта! А она! Уволь её! — тараторит Евангелина и даже ножкой топает.

Выгибаю бровь. Смотри-ка, желания моей бывшей и нынешней совпадают. Обе хотят увольнения. Жаль только, что это противоречит моим планам.

Усмехаюсь.

Нет, так легко Инна не отделается.

— Ты уволишь её? Игорёша? — Евангелина опять тянется

ко мне. Начинает ластиться.

Но сегодня эти её уловки не работают. Потому что... да потому что у меня настроение: набить кому-нибудь морду. Ну, или выматериться.

— Ты какого вообще отдала мой паспорт? — грозно рычу на Евангелину. — Ты его выкрала, Евангелина! Понимаешь?! Выкрала!

— Игорёша... — блеет дрожащими губами. — Я просто... я же просто взяла его, чтобы билеты оформить... Игорёша... я же стараюсь для тебя. Ты у меня один такой!

— Хватит! — обрываю её грубо.

С силой провожу рукой по лицу, будто пытаюсь стереть усталость вместе с обидами. И вдруг понимаю: больше не хочу ни выяснять, ни объяснять, ни спорить. Мне становится тесно в квартире Евангелины, как в запертой клетке. Словно давит что-то.

— Ладно, Инна, — опускаю голову и тру пальцами глаза.

И, только сказав, понимаю, что рядом вовсе не Инна, а Евангелина. Чёрт.

— То есть, я теперь для тебя... Инна? — голос её дрожит, но я уже не слушаю.

Всё смешалось — голоса, запахи, воспоминания чёртовы. Перед глазами всплывает моя физиономия с рогами с фотографии. А ещё потухший взгляд Инны.

Да! Вот. Я не мог определить, что с её взглядом, когда она просила уволить её. Он потухший.

А мне не всё равно ли?

Она заслужила.

— Инна, Игорь! Ты назвал меня этим дурацким именем! Кто она?! — Евангелина назойливо встаёт на моём пути, мешая пройти к двери.

А у меня сейчас вообще нет настроения что-то объяснять ей. Беру её за плечи и отодвигаю в сторону. Наверняка сейчас будут истерики, слёзы. Но я их уже не услышу.

Дверь за спиной захлопывается, гулом ударяя в меня.

Понимаю, что единственное, что сейчас мне нужно, — это боксёрская груша и перчатки. Поэтому даже не раздумываю и еду в спортзал.

Глава 4. Инна

— Мама! Мама! Надо купить подарок для Дани! Он меня на день рождения позвал! — Олежка радостно подпрыгивает, несясь ко мне, когда я появляюсь на пороге детского сада.

Подбегает, быстро обнимает и чмокает в щёку.

— Мам, ты что, плакала? — вдруг отрывается и приподнимает бровки, устремляя в меня взгляд.

— Нет, с чего ты взял, — вру я и даже пытаюсь улыбнуться.

Получается не очень, по всей видимости, потому что сын словно понимает, что я обманываю его.

— Потому что у тебя щека солёная! — хмурится он. — У меня тоже щека солёная, если я плачу!

Он говорит так серьёзно и строго, что мне становится стыдно за враньё.

Да, я плакала, пока ехала за ним. Кое-как успокоилась перед тем, как зайти. Но слёзы, конечно, остались на щеках.

Но сыну совсем необязательно знать, что его мама плакала. Потому что я не смогу рассказать настоящую причину...

— Ну, откуда ты знаешь, что у тебя щёчки солёные, когда ты плачешь? — пробую отвлечь его шуткой, садясь рядом с ним на скамейку и поправляя одежду. — Ты же не можешь сам себя лизнуть, — как можно веселее подмигиваю и те-

реблю его за эти самые щёчки.

— Пока нет! — отзывается Олежка и пытается языком достать до щеки. — Но я прошу Таню лизнуть меня!

— Таню? — удивлённо смотрю на него. — Что за Таня?

— Вон она! — он оборачивается и тычет пальчиком в сторону песочницы. — Таня! — машет рукой девчужке с рыжими волосами.

Она отрывает взгляд от куличиков и с улыбкой машет нам в ответ. Ну, я тоже машу.

— Олеж, не надо больше просить Таню лизать твои щёки, — говорю сыну серьёзно. — Хорошо?

— Мам, кто тебя обидел? — опять хмурится и смотрит строго. — Скажи! Кто? Опять тот самый вредный босс?

— Олеж, а ты паспорт вчера с тумбочки трогал? — спрашиваю прямо и внимательно слежу за сыном.

Я прекрасно знаю, когда он врёт. Делает, к счастью, он это крайне редко, но я без труда угадываю, если Олежка вдруг решает схитрить.

Но не в этот раз.

Сынок смотрит на меня несколько секунд. Молчит, накупившись. Пыхтит как маленький паровозик.

— А чего он? — бурчит, опуская голову и шаркая ножкой со спущенным носком.

Ох, Олежа... знал бы ты, чего он...

Тяжело выдыхаю.

— Мам! — сынок берёт ладошками моё лицо и заставля-

ет посмотреть ему в глаза. — Я скоро вырасту и... — и показывает мне сжатый кулачок. — Я ему покажу! — грозитя в воздухе.

С грустью улыбаюсь, пряча улыбку за ладонью.

— Он тебя ругал, да? — заглядывает мне в глаза, складывая брови домиком. — Сильно? А в угол ставил?

Чуть хмурюсь.

— А ты откуда про угол знаешь? Тебя кто-то в угол ставит? — спрашиваю с тревогой.

Такие методы воспитания точно я не приемлю и готова защищать сына.

— Это деда всегда мне грозитя! — смеётся Олежка. — Говорит: «Ух, я тебе! Сейчас в угол поставлю!»

Олежка так правдоподобно изображает моего папу, трясая в воздухе кулаком и хмурая брови, что я прыскаю от смеха вместе с ним.

Так и вижу эту картинку. Мои родители, конечно, в Олежке души не чают. И все строгости папы так и остаются на словах. И сын это чувствует, разумеется. Вьёт из него верёвки.

Мне даже кажется порой, что из нас троих: меня и моих родителей, я самая строгая.

— О! Мам! Я придумал! — восклицает Олежка, когда я, попрощавшись с воспитательницами, веду его за руку за ворота садика. — А давай твоего босса в угол поставим! У вас есть там угол? Пусть там стоит!

Усмехаюсь.

— Как же мы это сделаем? — спрашиваю у сына.

— Не мы, — улыбается он. — Пусть деда придёт к тебе на работу и поставит этого злого босса в угол! Деда сможет! — заявляет уверенно.

О, в этом, Олеж, я даже не сомневаюсь! Только папа мой поступит гораздо круче, если узнает, что Горский опять появился в моей жизни... И поэтому он не должен узнать об этом. Ради папы, разумеется, не ради этого гада Горского.

— Я сам деду скажу! — вдруг заявляет Олежа и я сглатываю, пугаясь его инициативы.

А он ведь может.

— Ну, давай дадим ему ещё один шанс, — улыбаюсь. — Давай пока деду не будем ничего рассказывать, хорошо?

Сын отвечает не сразу. Словно обдумывает моё предложение. С таким серьёзным видом обдумывает.

— Ладно, — кивает, наконец, и я прямо выдыхаю облегчённо. — Но только это последний шанс! — поднимает вверх указательный палец. — А то мы с дедой! Ух!

Я смеюсь так, что даже слёзы наворачиваются от слов моего маленького защитника. И на эти минуты забываю все тревоги и обиды.

Олежка — самое светлое, что есть в моей жизни. Моё маленькое солнышко. Что бы я без него делала?

В приступе внезапной любви сграбастываю сына и крепко обнимаю. Целую в носик, щёки, глаза.

— Мам! Ну, хватит! — вырывается он.

— Я тебя люблю, — с улыбкой смотрю на него.

— И я тебя! — вдруг обнимает меня за шею и прижимается щекой к щеке. — Очень-очень люблю! — шепчет горячо. — И никому не дам в обиду!

Сдерживаю слёзы умиления. Ставлю сына на землю и беру за руку.

— Ладно, защитник, — улыбаюсь, — поехали домой! Как в садике день прошёл? Ммм, ты говорил, у Дани день рождения? А когда?

И Олежка моментально переключается и забывает о «злом боссе», деде и угле, в который надо поставить Горского. Теперь он поглощён рассказом о предстоящем дне рождения его лучшего друга.

Глава 5. Инна

— Мам, а ты знаешь, у Дани теперь есть папа, — немного с грустью в голосе рассказывает мне сын, когда я укладываю его спать.

Я сижу на кровати Олежки и глажу его непослушные волосы. Рука замирает, как только я слышу эту новость.

— Он говорит, что он ждал и верил, — продолжает сынок. — И поэтому он к нему приплыл, — вздыхает.

Молчу и поправляю одеяло.

— Мам! — Олежка проникновенно смотрит в мои глаза. Взгляд, который сложно выдержать. — А мой папа тоже придет? Ведь да? — в его голосе столько надежды, что я с трудом сглатываю ком, подступающий к горлу.

Что ответить ему?

Нет, конечно, Олежка спрашивал меня про папу и раньше. Я говорила, что папа пока не может приехать к нам. Что у него задание. Но он его очень любит и всё время думает о сыне. Олегу пока хватало.

Но, чем старше он становился, тем сложнее мне было придумывать оправдание его непутёвому папаше.

— Я тоже жду его! — сынок садится, стряхивая с себя одеяло, которое я так старательно разглаживала на нём, пряча за этими монотонными движениями своё волнение. — Значит он должен приехать! Он же есть?! Мам!

— Олеж, поздно уже. Завтра в садик рано вставать. Ты и так всегда с трудом встаёшь. Давай ложиться, — стараюсь не смотреть ему в глаза и укладываю снова на спинку.

Укрываю одеялом.

— Папу Дани Димой зовут, — бурчит себе под нос Олежка.

А у меня словно переключатель срывает. Мысли концентрируются на имени Дима.

— Дима? — переспрашиваю я.

— Да! Я с ним познакомился! — радостно сообщает мне сынок. — Он в садик приходил.

В груди всё сжимается и становится трудно дышать. Олежка, естественно, не замечает моего состояния и продолжает рассказывать про папу своего лучшего друга.

Я зажмуриваюсь, словно спасаясь от внезапной яркой вспышки. Всё это кажется неслучайным, но я не хочу делать поспешных выводов. Но почему-то теперь имя Дима навязчиво стучит в висках. Может, это другой Дима? Да мало ли Дим на свете?!

Я пытаюсь улыбнуться и поддержать диалог с сыном, но в голове рождается только один вопрос: а если это действительно он?

Из всех незнакомых мужчин, которых я встретила в саду за эти дни, — только Дмитрий Коршунов, лучший друг моего бывшего мужа и отца Олежки.

И он меня тоже заметил. Даже хотел подойти, но я сбежа-

ла. Как последняя трусиха сбежала!

Неужели он отец Дани?!

— А ещё он обещал меня тоже на кораблике покатасть вместе с Даней! — заявляет Олежка. — Мам, можно же, да?! Можно?! — тербит мою руку. — Мам! Ты чего?

— Посмотрим, Олж, — отрешённым голосом отвечаю сыну. — Давай спать сейчас.

Наклоняюсь и целую его в щёчку. Он тяжело вздыхает и закрывает глазки. Я глажу его по волосам и встаю. Прикрываю дверь в комнате и иду на кухню.

Сна как ни бывало. Волна переживаний, растерянности, страха перед чем-то неизбежным заставляет меня заварить себе кофе. Стою у окна, обхватив чашку руками. Чувствую, что они ледяные и даже тепло чашки не способно их согреть.

Интересно, Дмитрий догадался, что Олежка мой сын? Глупый вопрос. Он же не дурак. Он всё прекрасно понял. Да и Даня же ездил к ним в гости. А зная сына, он рассказал всё, что нужно. И не нужно тоже.

В голове пыталась сложиться цепочка из рациональных действий, которые следовало бы предпринять. Но ни одно из них не подходило.

Может, встретиться с Дмитрием? Чтобы что? Чтобы попросить его не говорить ничего Горскому?

Бред. Это, наоборот, вызовет и негатив, и лишние подозрения. А если просто отмолчаться? Спрятаться в норке?

Мне осталось доработать чуть больше недели. Потом мы

с Олежкой улетим в путешествие. Горский забудет о моём существовании, как сделал это пять лет назад. И даже если Дмитрий Коршунов решит рассказать ему про моего (да, моего!) сына, ему будет безразлично.

У него, в конце концов, есть Евангелина! Вон, какая за-
тейница с внезапными сюрпризами!

Невольно вспоминаю паспорт этот дурацкий! А следом — и ту безумную ночь, когда у нас у обоих словно сорвало предохранители.

Чувствую, как краска вспыхивает на лице от этих воспо-
минаний.

Ставлю чашку с недопитым кофе в раковину и иду в душ. По пути заглядываю в комнату, чтобы проверить Олежку. Он уже сладко спит, прижимая к себе своего любимого ди-
нозавра.

Тёплые капли воды медленно смывают мои тревоги и усталость. Становится хоть чуть-чуть, но легче.

Я ложусь в кровать и прикрываю глаза. Стараюсь думать о чём-то хорошем. Вспоминаю.

Вот, мне впервые дали Олежку и я расплакалась от счастья. Потом первые шаги. Первое слово. Мама. И первый во-
прос: «А где мой папа?»

Папа.

Закрываю лицо руками.

Почему всё так? Как он мог? Он же клялся, что мы всегда
будем вместе...

Чтобы не доводить себя, поворачиваюсь набок и зарываюсь под одеяло с головой.

Постепенно засыпаю.

Утром уже всё не кажется таким потерянным и мрачным. Олежка весело рассказывает мне про свой сон. Мы смеёмся и я веду сына в сад.

Там он быстро чмокает меня в щёку и убегает к друзьям. Я вдыхаю пока ещё прохладный утренний воздух и собираюсь в очередной раз идти зачёркивать циферку в календаре, отсчитывающем мои последние дни работы у бывшего мужа.

И тут слышу за спиной знакомый голос, от которого вздрагиваю, моментально возвращаясь во вчерашний вечер и свои мысли:

— Инна?

Глава 6. Инна

Останавливаюсь, но не оборачиваюсь. С каждым шагом, гулом отдающимся в моих ушах, жду приближения ещё одного призрака из прошлого.

— Инна? — лучший друг моего бывшего мужа Дмитрий Коршунов встаёт передо мной и, чуть наклонив голову, с интересом смотрит в моё лицо. — А я думал, что привиделось тогда, — чуть усмехается.

— Здравствуй, Дмитрий, — не скрывая своего разочарования от нашей встречи, произношу на выдохе.

— Как поживаешь?

— У меня всё отлично, — отвечаю таким голосом, что «отлично» тут и рядом не стояло.

— А я, вот, сына привёл в садик, — Дмитрий чуть щурится и не сводит с меня взгляда. — Сына Даню.

Молчу. Что я должна ответить?

— А ты... — не унимается он.

— Дмитрий, извини, мне пора. Босс не любит, когда опаздывают, — отвожу взгляд и пытаюсь обойти его.

— Босс — это Горский? — с усмешкой спрашивает Дмитрий. — Представляю. Так, давай подвезу? Чтобы уж точно не опоздать.

— Нет, спасибо. Я сама быстрее.

— Инна, — он делает шаг и опять встаёт на моём пути.

Поднимаю на него встревоженный взгляд.

— Олег — сын Игоря?

Как меткий удар в самое сердце звучит этот прямой вопрос. Словно кто-то ткнул мне в солнечное сплетение и воздуха стало катастрофически не хватать. И нельзя показать свою слабость. Надо держаться, даже если хочется скрючиться и спрятать голову в ладонях.

Смотрю в глаза Дмитрия и ничего не отвечаю. Просто молча обхожу его и уже быстрее иду к воротам сада.

— Инна, стой! — раздаётся за спиной голос Дмитрия.

Приставучий какой, а?! Мой бывший сам гад ещё тот и дружки у него не лучше.

Резко останавливаюсь и оборачиваюсь.

— Что тебе надо, Дмитрий? Что?! — взрываюсь, так и не сумев сдержаться. — Это только моя жизнь! И только мой ребёнок! Так понятно?!

— Он должен знать, — произносит Коршунов, хмурясь и глядя на меня исподлобья. — Если Олег — его сын, он должен знать, Инна.

— Я сама решу это, — отвечаю уверенно.

Откуда-то берутся силы. Нет, я не позволю Горскому и его друзьям сломать мою жизнь ещё раз. Олежка — только мой сын. Только мой.

— Игорь — мой друг, — не сдаётся Дмитрий. — Если ты ему не скажешь...

— Дмитрий, — выдыхаю устало, — это только моё дело

и дело Горского. Не надо лезть в нашу жизнь. Мы сами всё решим.

— То есть ты скажешь Игорю? Я правильно тебя понял?

— усмехается он.

— Я подумаю. Извини, я опаздываю. Твой друг Игорь плешь мне на голове выест, если я опоздаю!

Дмитрий лишь улыбается.

Я опять поворачиваюсь к нему спиной и уверенным шагом подхожу к калитке. Открываю её.

— Инна! — опять слышу голос Коршунова.

Да, что ж такое-то!

— Можешь не торопиться! — ухмылка в голосе друга моего бывшего. — Горский в отъезде.

Застываю, держась за калитку. «В отъезде?» Куда? Почему?

— Мы вчера виделись, — Дмитрий подходит и тоже выходит за ворота садика. — Ты знаешь, он какой-то нервный стал в последнее время. Не знаешь, почему? — щурится Дмитрий и, как мне кажется, с едва заметной улыбкой, смотрит на меня пристально.

— Понятия не имею! — фыркаю я.

Хоть кто-то ещё заметил, что у Горского проблемы в эмоциональном плане!

— Главное, такое совпадение! — хмыкает Коршунов, неторопливо идя рядом со мной по тротуару. — Вот, как ты появилась опять в его жизни, так у Игоря и проблемы с нер-

вами появились! Как думаешь, почему? — и он уже в открытую усмехается.

Да в смысле?! Что он имеет в виду?! Тот ещё тип!

— Понятия не имею! — как можно равнодушнее отвечаю я. — Я тут точно ни при чём.

— Ну-ну, — как-то недоверчиво, что ли, кивает Дмитрий.

— Может, перед свадьбой волнуется, — пожимаю плечами. — Невеста у него тоже, кстати, нервная. Не знаю уж, только сейчас или всегда...

Опять слышу ухмылку Коршунова. Но не собираюсь реагировать. Пусть смеётся, если ему смешно. И на провокации я не поведусь.

— Прощай, Дмитрий, — говорю я, собираясь перейти дорогу.

— Рад был увидеться, Инна, — кивает он и, наконец, отстаёт от меня.

Я быстро пересекаю улицу и забегаю в метро.

Горского, значит, нет. Супер! Интересно, сколько дней в календаре я смогу отметить без присутствия босса-бывшего мужа?

Надеюсь, он проведёт в отъезде все оставшиеся до моего увольнения дни и мы больше не пересечёмся.

Эх. Знала бы я, чем закончится этот внезапный отъезд Горского...

Глава 7. Инна

Прихожу в офис и сначала осторожно всматриваюсь в дверь кабинета Горского. Тихо там. Похоже, и правда уехал.

Хорошо-то как! Ещё бы узнать, надолго ли он уехал. Своего помощника, то есть меня, он в известность не посчитал нужным поставить.

Нет, я, конечно, не в обиде. Но хотелось бы знать, сколько будет длиться моё счастье.

Зато сегодня у меня получается продуктивно поработать. Можно было бы, конечно, забить на работу. Мне осталось тут доработать и всё. Какая разница, как я проведу эти последние рабочие дни в компании Горского, если его самого нет?

Но я не позволяю себе расслабиться. Чётко делаю то, что мне поручено.

Когда весь офис погружён в свою обычную суету, я впервые за долгое время ощущаю лёгкость. Без постоянного надзора и даже невидимого, но остро ощущаемого Горского кажется, что воздуха стало заметно больше, а пространство шире. За окном лениво движется город, а я лишний раз убеждаюсь, что одиночество в рабочей среде может быть приятным. Особенно, если твой босс — это твой бывший муж, с которым вы не очень хорошо расстались.

Я решаю заняться задачами, которые давно откладыва-

ла. Сортирую документы, закрываю мелкие задачи. Не хочу, чтобы после моего увольнения кто-то мог упрекнуть меня в том, что я что-то не доделала.

Горский всегда говорил, что я слишком усердна. Когда мы учились с ним на юрфаке, я буквально заставляла его повторять материал. Он потом признавался мне, что наверняка вылетел бы из универа, если бы не моя настойчивость.

Как давно это было...

Опять Горский!

Опять он лезет в мою голову!

Злюсь на себя за эти воспоминания и гоню прочь их.

Мне надо отнести подготовленные и обработанные документы в архив. Я там ни разу не была ещё и прошу одну из коллег, случайно встреченную в коридоре, показать мне, где расположен архив.

— Третья дверь слева, — с улыбкой показывает мне девушка. — Вон там.

— Спасибо, — благодарю её и, поправив папки в руках, иду к двери.

Медленно приближаюсь, потому что с каждым шагом становится всё больше и больше не по себе. Что-то тяжёлое и очень болезненное как лезвием проходится по накалённым нервам. Но почему?

Ноги ещё медленнее переступают, словно не хотят туда идти. Хотят остановить меня.

Но я упрямо заставляю их приближать меня к этой ком-

нате.

И, вот, я у двери.

Стою, почти не дыша, ощущая, как в груди скапливается ледяная тяжесть. На секунду кажется, что, если толкну эту дверь, что-то вернётся в моё сознание — что-то, чего я не хочу вспоминать.

Документы в руках вдруг становятся невыносимо тяжёлыми, и я с трудом заставляю пальцы крепче сжать проклятые папки.

Ещё мгновение. Оттягиваю бессознательно. Но преодолеваю непонятный страх и открываю дверь.

И сразу в нос ударяет знакомый запах. Запах бумаги и принтера. Тогда я не обратила на него внимания, но сейчас память любезно подкидывает мне напоминание.

Это та самая комната.

Но сейчас в ней светло. Солнечные лучи проникают, освещая её.

Стеллажи, папки. Подоконник. Тот самый.

С грохотом кидаю на стол возле двери папки. Я даже не захожу внутрь этой комнаты. Не могу.

Эта комната как печать моей ошибки и жестокости бывшего мужа.

Захлопываю дверь и бегу прочь, будто оставляя в этой комнате часть себя. Знаю, что ничего не вернуть. Снова и снова прогоняю из памяти картинки того вечера. Даже не картинки, нет, свои ощущения.

Тот вечер и ночь полностью состоят лишь из ощущений. Как будто на те несколько часов я стала глухой и немой.

Быстрым шагом иду по коридору обратно в приёмную. Стараюсь выглядеть собранно, с ненастоящей улыбкой киваю встречающимся на пути коллегам.

Я делаю вид, что полностью контролирую ситуацию. Но внутри всё дрожит.

Пытаюсь не думать — ни о Горском, ни о себе, ни о том, что произошло в архиве.

Возвращаюсь обратно в приёмную и на секунду столбею, когда мой взгляд упирается в мужскую спину.

Мужчина стоит, засунув одну руку в карман брюк, а второй держит телефон возле уха. Он с кем-то разговаривает по телефону. И я не сразу узнаю его. Только когда он оборачивается, я чувствую, как мои глаза становятся круглыми.

Ну да, сложно сдержать удивление, когда ты без предупреждения встречаешь отца своего бывшего.

Глава 8. Инна

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. И он, и я не ожидали. Значит, Горский своим родителям тоже не рассказал о нашей встрече.

Но разве должен был?

Это же «ничего не значит». Так, кажется, он сказал?

Отец Горского ничуть не изменился за эти годы. Всё тот же строгий костюм, волосы аккуратно зачёсаны назад, а в глазах ни тени смущения, только нескрываемое удивление и, возможно, едва заметная доля сочувствия.

В горле пересыхает. Я выдавливаю из себя дежурное:

— Здравствуйте.

Глупо, официально, но ничего другого не приходит в голову.

Отец Горского едва заметно кивает, чуть хмурится и возвращается к телефонному разговору.

Меня на какое-то время отпускает, потому что он отворачивается и занят беседой с кем-то другим.

Сбежать? Я не готова к разговору с отцом бывшего.

Знаю, что у нас осталось очень много невыясненных вопросов.

Тогда, пять лет назад, мне удалось избежать их. Скрыться, спрятаться.

Но оказывается, невозможно спрятаться навсегда. Ты

просто оставляешь таким образом мину замедленного действия. И, вот, она хранится-хранится, копит в себе динамит. Накачивает его, питает недосказанностью. А потом... а потом рванёт в самый неожиданный момент. Когда ты расслабилась и искренне поверила, что твоя жизнь спокойна и ничто не может тебе помешать наслаждаться ею...

Сердце колотится — не от страха, а скорее от странного, неконтролируемого волнения, наполнившего всё внутри тяжёлым гулом. В этот момент я понимаю, что прошлое, каким бы далёким оно ни казалось, всегда способно нагнать и настигнуть в самый неожиданный миг.

Вот, и меня настигло прошлое. Сначала в виде бывшего мужа... и потянул он за собой всех остальных...

Пришла очередь и его отца.

Это просто... слов приличных нет, вот, что это.

Наблюдая за спиной Виталия Алексеевича, тихо ступая, прохожу к своему рабочему столу. Так же тихо сажусь.

Что он тут делает? Сыночки его дорогого тут нет. Или сыночка опять всё скрыл от родителей?

Снова напрягаюсь, выпрямляясь как будто меня впихнули в жёсткий корсет, когда мужчина прощается по телефону и убирает его в карман. Поворачивается ко мне.

Во взгляде уже нет удивления. Он смотрит прямо. С интересом, да, но без злобы или радости. Простое равнодушие в глазах отца Горского. Как и у сына же.

— Добрый день, Инна, — его голос спокойный, как гладь

воды.

Наверное, холод — это их семейное.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — чуть выгибает бровь. — Мой сын в офисе?

— Игорь Витальевич сегодня отсутствует. Он в отъезде, — я тоже стараюсь говорить ровным голосом. Очень хочу верить, что у меня получается.

— В отъезде? Где? — Виталий Алексеевич ещё заметнее выгибает бровь.

Ну, точно, Горский не предупредил никого. Только Дмитрий знает, похоже.

— Я не знаю, — пожимаю плечами.

— А ты кто здесь? — мужчина чуть щурится.

— Я личный помощник Игоря Витальевича ещё, — и бросаю взгляд на мой любимый календарь, — ещё девять дней и три часа, — и даже улыбаюсь, сама радуясь, что время неминуемо приближает меня к свободе.

— Помощница? — Виталий Алексеевич чуть хмурится.

Опускает взгляд и косится на дверь кабинета своего сына.

— Что-то происходит, Инна? — вливается в меня пристальным взглядом.

Да, от него ничего не утаишь. Он всегда был очень внимателен и проницателен. Перед ним играть невозмутимость и равнодушие гораздо сложнее, чем перед его сыном.

А ещё мне так хочется пожаловаться ему! На его сына пожаловаться!

Потому что Виталий Алексеевич всегда поддерживал меня. Всегда. С кем — с кем, а с родителями Горского у меня были отличные отношения. До определённого момента, конечно.

И я вполне понимаю холодное отношение к себе сейчас со стороны Виталия Алексеевича. Потому что в его глазах я оказалась неблагодарной дрянью. Так думает Горский и так думают его родители наверняка.

Между нами — невидимая стена, сложенная из молчаливых обид, не сказанных слов и тех самых поступков, которые всё равно когда-нибудь становятся явными. Кажется, он ищет во мне ответы, которые я сама не могу найти.

Виталий Алексеевич медлит, не уходит. Ведь Игоря нет на месте. Зачем тогда его отец стоит и пытается меня своим взглядом? А я очень стараюсь изобразить спокойствие. Но внутри всё дрожит, как после внезапного ливня: хочется оправдаться, но слова застревают где-то между страхом и пониманием бесполезности что-либо объяснять.

Кого это интересует спустя столько лет?

Надо ли мне это? А им?

Тишина становится невыносимой, но что ответить на такой, казалось бы, простой вопрос Виталия Алексеевича, я не знаю...

И тут на помощь приходит звонок моего телефона, который лежит на столе. Но моя радость быстро испаряется, когда я вижу, как меняется взгляд мужчины, стоит ему перевер-

сти его на экран играющего мелодию телефона.

Там, на экране, счастливое лицо моего сына. Олежка хитро улыбается и по-хулигански щурится после очередной своей проделки.

Да, у меня на заставке фотография моего сына и мне совершенно не приходила в голову мысль пока убрать её. А зря...

И, пока я в панике сижу, слыша удары собственного сердца, Виталий Алексеевич гипнотизирует мой телефон.

Наконец, ступор проходит и я резко тянусь к телефону, но рука мужчины оказывается быстрее. Он первым хватает мой телефон и щурится, впиваясь взглядом в фотографию улыбающегося Олежки.

Глава 9. Инна

Взгляд Виталия Алексеевича медленно тяжелеет. Я вижу, как сходятся брови на его переносице. На его лице без труда читается сложный мыслительный процесс.

Он, не отрываясь, смотрит на мой телефон. А у меня сердце в груди заходится.

Не надо обладать какими-то особенными качествами, чтобы увидеть сходство Олежки с отцом, то есть с Игорем Горским.

С плохо скрываемым волнением слежу за мужчиной. Я корю себя за то, что так легко попалась. Почему я не убрала фотографию?! Но почему он хватает мой телефон?!

Я готова вцепиться в него ногтями, чтобы забрать своё, но... уже поздно...

— Чей телефон? — хмуро спрашивает Горский-старший, переводя на меня хмурый взгляд.

— Мой! — коротко отвечаю, внимательно наблюдая за ним.

— А ребёнок? — звучит прямой вопрос, который как выстрел с близкого расстояния больно ударяет в грудную клетку, встряхивая всё тело.

Стараюсь быть спокойной. Очень спокойной. Да, Инна, спокойной.

И... нет...

Срываюсь.

Вскакиваю с места и хватаюсь за руку мужчины с моим телефоном.

— Отдайте телефон! — кричу и сама гложу от слёз в этом крике.

Виталий Алексеевич спокойно отдаёт мне аппарат и тяжёлым взглядом наблюдает, как я трясущимися руками прячу телефон в сумку. Отворачиваюсь и делаю глубокий вдох, опустив голову.

На мгновение в комнате повисает тяжелая тишина. Я чувствую, как на меня устремлён сейчас взгляд, в котором перемешались недоверие, ненависть и шок. Сердце бешено колотится, дыхание сбивается, а в груди расплзается тревожный холод. Я не могу поднять глаза — кажется, что любое движение выдаст ещё больше моей растерянности.

Словно ощутив мою внутреннюю борьбу, мужчина медленно отходит к окну, его шаги звучат глухо. Искоса слежу за ним. Он встаёт спиной ко мне. Молча, он поправляет манжет рубашки, будто ища в этом жесте способ сосредоточиться. Видно, что волнуется.

— Сколько ему? — наконец, словно решается и поворачивается ко мне.

Наши взгляды встречаются. Я молчу. Виталий Алексеевич тоже молчит. Он задал вопрос и ждёт ответ.

— Это не имеет значения, — произношу тихо, но уверенно. — Извините, мне надо работать. Я передам Игорю Вита-

льевичу, что вы приходили.

— Он знает? — мужчина не двигается.

Так и стоит, уставившись на меня. Как глыба стоит. Придавливает меня своим пониманием. Он всё понял.

Врать?

— Виталий Алексеевич, я не понимаю, к чему этот допрос. Меня с вашей семьёй больше ничего не связывает. Я не интересуюсь личной жизнью вашего сына. И хотела бы, чтобы и вы отвечали мне взаимностью. Если вы не возражаете, я хотела бы вернуться к выполнению своих служебных обязанностей. Игорь Витальевич очень строгий руководитель и мне не хотелось бы получать взыскание.

Вот. Какая я молодец! Горжусь собой. Хотя и прячу дрожащие пальцы за спиной. Сжимаю их, чувствуя лёд.

— Значит не знает, — как-то, как мне кажется, разочарованно выдыхает мужчина.

Склоняет голову и пальцами сжимает переносицу.

Мучительно долго тянутся секунды, поглощая мои нервные клетки.

— Покажи, — вдруг Виталий Алексеевич снова устремляет на меня суровый взгляд.

— Что? — лепечу я, отказываясь понимать его просьбу. Не хочу! Моё!

Испытываю панику, представляя, что придётся делиться. А я не хочу! Не с ними!

— Внука покажи, — выдыхает мужчина и в его голосе

нет угрозы или требования. В нём какое-то отчаяние, что ли. Горькое разочарование. Обида?

Он смотрит на меня так, что заставляет испытывать вину. Словно я в чём-то виновата.

Закрываю лицо ладонями и отворачиваюсь. Не могу выдержать.

Слёз нет. Они застряли где-то в горле и от этого ещё тяжелее.

— Инна, — слышу голос отца Горского совсем рядом.

Не убираю руки. Чувствую дрожь по телу. Хочу оказаться не здесь. Но защиты нет. Я чувствую себя как в ловушке. С одной стороны — Горский. С другой — его друг Дмитрий. С третьей... с третьей теперь его отец.

Если знают двое, то и Горский скоро узнает.

Что тогда?

— Покажи мне внука, Инна, — повторяет Виталий Алексеевич хоть и мягко, но с нажимом. По тону его голоса ясно, что он не отступит и не уйдёт. — Пожалуйста, — добавляет.

Медленно убираю руки от лица, чувствуя, что я, наверное, белая как снег. Я не чувствую своё сердце. Оно словно остановилось.

Оборачиваюсь и вижу мужчину рядом. Взгляд стал мягче, но всё равно пугает меня. Пугает своим знанием. Потому что я знаю, что ничего хорошего мне это не принесёт.

Опускаю взгляд и начинаю рыться в сумочке. Пальцы не слушаются. Немеют и мне стоит усилий достать телефон.

Нажимаю разблокировку и протягиваю телефон Виталию Алексеевичу, не глядя на него.

Мужчина берёт аппарат.

Опять тишина. Но уже другая.

Виталий Алексеевич молчит. Краем глаза вижу, что он внимательно вглядывается в фотографию Олежки. Его частое дыхание выдаёт волнение этого мужчины, который всегда мог сохранять спокойствие.

Время растягивается, становится вязким. Я стою, не двигаясь, будто каждое движение может что-то изменить, но уже всё вышло из-под контроля. Он не задаёт ни одного вопроса, но я почти физически ощущаю, как в воздухе витает безмолвный диалог.

Наконец он возвращает мне телефон, задержав руку чуть дольше обычного. Я не поднимаю глаз, просто принимаю аппарат.

— Есть ещё фотографии? — спрашивает Виталий Алексеевич и мне хочется расплакаться от собственного бессилия.

Всё. Процесс запущен. Я уже ничего не смогу с этим поделать.

Киваю. И открываю галерею на телефоне.

Отец Горского опять берёт телефон и с жадным взглядом листает фотографии Олежки. Не сводит с него глаз.

Дыхание становится отрывистым. В уголках глаз блестит. Я никогда его раньше таким не видела.

— Как зовут? — спрашивает, продолжая рассматривать моего сына.

— Олег, — выдыхаю я.

Снова молчим. Мужчина просто смотрит фото. Без слов. Просто рассматривает внука.

Это так долго тянется! Я чувствую, что ещё немного и я не выдержу этого напряжения. Этой недосказанности.

Но что говорить?! Я не знаю!

Можно просто отмотать всё назад на пару дней? Скольких бы ошибок я тогда избежала!

Поздно. Уже поздно.

Наконец, Виталий Алексеевич протягивает мне телефон.

— Инна, — зовёт и ждёт, когда я подниму на него взгляд.

— Почему? У меня только один вопрос: почему?

И я знаю ответ, но не хочу и это раскрывать ему. Хватит! И так слишком много чужих людей влезло в мою жизнь за последнее время.

Не хочу!

Я привыкла так! Сама! Я и Олежка! И мои родители! Мои! И Олежка мой! Только мой!

Виталий Алексеевич, видимо, понимает, что ничего от меня не добьётся. Он всегда отлично считывал настроение других людей. И сейчас без труда видит моё состояние. Надеюсь, что видит и понимает.

Я морально опустошена. Хочется зарыться под одеяло и спрятаться хотя бы там.

— Что же вы наделали... — даже не вопрос, а тяжёлый вздох Виталия Алексеевича прорезает тишину комнаты. — Что же вы наделали...

Отворачиваюсь и слышу его шаги. Он уходит, оставляя меня в полном душевном раздразе.

Падаю на кресло и обхватываю голову руками. И слёзы, наконец, вырываются на свободу и дают хоть какое-то, но облегчение.

Глава 10. Инна

Я стираю ладонями мокрые дорожки. Пытаюсь успокоиться и упорядочить мысли.

Что делать?

Это единственный вопрос, который меня сейчас волнует.

Одновременно ругаю себя за такую беспечность. Но я даже и подумать не могла, что отец Горского заявится сюда! Хотя... вспоминаю Дмитрия в садике. Это неминуемо... Олежка дружит с сыном лучшего друга Горского.

Какой-то замкнутый круг. И я в центре этого круга и понятия не имею, как выбраться из него.

Поднимаю взгляд и смотрю в окно, облизывая солёные губы.

Я боюсь. Да, боюсь. Потому что не знаю, как отреагирует Горский, что предпримет он и его отец.

Виталий Алексеевич сам был в таком шоке, что я не поняла по его реакции, к чему мне готовиться.

И за этими мыслями у меня совершенно вылетает из головы тот самый звонок. Мне же звонили!

Вспоминаю о нём, только когда звонок повторяется.

У меня теперь реакция на эту мелодию. Я вздрагиваю и с опаской смотрю на дребезжащий на столе аппарат.

Отвечаю.

— Инна Игоревна? — взволнованный голос воспитатель-

ницы из детского сада и сердце перестаёт стучать.

За своими глупыми переживаниями я не подумала, что звонок может быть важным!

— Да, я, — отвечаю быстро. — Что-то случилось?

Сердце материнское чувствует. Замирает, но чувствует.

— Олег, — вздыхает воспитательница.

— Что?! — я вскакиваю и сжимаю телефон сильнее. — Что с ним?!

— Ой, вы не волнуйтесь! — она, похоже, напугана моей реакцией. — Ничего страшного. Просто он... он упал. Полез на крышу беседки и упал. Но там невысоко.

— Что с ним? Где мой сын?! — кричу в трубку, напрочь забывая обо всех остальных мыслях.

— Его в больницу увезли. Мы вам звонили, но трубку никто не взял...

Чёрт.

— В какой больнице мой сын? — прерываю её стенания и, получив адрес, срываюсь с места.

Я приезжаю в больницу и сразу бегу к проходящей мимо медсестре.

— К вам мальчика привезли! — говорю, запыхавшись. — Олег Кравцов. Он в садике упал. Где он?!

— А! Хулиган этот? — улыбается медсестра. — Им доктор Петров занимается. Вон там, — и она рукой показывает на дверь в конце коридора.

Бегу туда. Дверь приоткрыта и я, быстро стукнув, бук-

вально залетаю внутрь.

Там на кровати сидит Олег с лейкопластырем на лбу. А рядом с кроватью на стуле сидит мужчина в голубой форме и с фонендоскопом на шее. Они оба поворачиваются и смотрят на меня. Я бегу к сыну и обнимаю его.

— Олежка! Что случилось?! Ты в порядке?! Что с головой?! — быстро блуждаю взглядом по лицу сына. Целую его.

А он словно смущается.

— Мам, ну, хватит. Ты чего?

— Ты упал? Как это произошло? Почему у тебя на лбу пластырь? — ощупываю его и осматриваю.

— Всё в порядке. Не волнуйтесь вы так, — слышу спокойный мужской голос.

Оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с доктором. Он приветливо улыбается не только губами, но и глазами.

— Здравствуйте! — спохватываюсь я. — Я мама Олега. Всё хорошо? Что случилось? Что с головой?

— Здравствуйте. Меня зовут Алексей Фёдорович, — доктор протягивает мне ладонь и я отвечаю. — С вашим сыном всё в порядке. Ну, если не считать испуганных воспитательниц, мамы и шишки на лбу, — подмигивает Олежке.

Тот тоже улыбается и подмигивает доктору.

— Вы меня простите, — говорю я. — Просто я так перепугалась. Сразу ответить на звонок не смогла. А потом... но... что произошло? — смотрю на сына.

— Мы играли в альпинистов! — начинает сынок. — И

я решил забраться на вершину самой высокой горы! Чтобы победить! Я почти забрался! Но потом тапочка соскользнула! Я же говорил тебе утром, что надо кроссовки надеть! — ворчит недовольно.

— Мне сказали, что ты с беседки упал... — непонимающе смотрю на него.

— Ну да! Беседка была самой высокой горой! — сын смотрит на меня так, что я читаю в его глазах немой вопрос: «Мам, ты что, не понимаешь разве?»

Вздыхаю тяжело. Аккуратно ощупываю шишку.

— Ай! — восклицает Олежка.

— Доктор, но всё в порядке? Точно? — спрашиваю мужчину.

— Абсолютно, — он опять улыбается. — Вас как зовут?

— Ой, простите, я не представилась. Инна. Инна Игоревна.

— С Олегом всё в порядке. Мы всё проверили. В садике, скорее, перестраховались. Но это правильно. Ничего серьёзного. Единственное — я бы рекомендовал пока в садик не ходить. Пару дней понаблюдать за самочувствием. Ну, и через два дня жду вас у себя.

— Зачем? — вылетает у меня.

— Контрольная проверка показателей, — улыбается доктор. — Ну, что, покоритель беседок, придёшь ко мне? — протягивает ладонь Олежке.

Тот радостно кивает и жмёт мужскую ладонь двумя руч-

ками.

— Попроси папу сводить тебя на скалодром! — подмигивает доктор. — Там тебя научат правильно лазить! Я сам туда тоже хожу.

— У меня нет папы! — хмурится Олежка и мне становится не по себе.

Доктор быстро смотрит на меня, а потом снова возвращается к Олежке.

— Но я с дедой схожу! — улыбается тот. — У меня деда всё может!

— Ну, супер! — отвечает доктор.

Сын вскакивает с койки и бежит к двери.

— Вы простите меня, — произносит тихо доктор. — Я не знал.

— Ничего страшного, — мягко улыбаюсь ему. — Всё в порядке.

От него веет каким-то теплом и спокойствием. Я даже на время забываю о своих проблемах. Какой замечательный детский врач.

— Тогда жду вас через два дня, — он опять с улыбкой протягивает мне ладонь.

Подаю ему руку и он чуть сильнее, чем в первый раз, жмёт её.

Глава 11. Инна

— Мам, а когда я в садик пойду? Меня там друзья ждут!

— Олежка опять пристаёт ко мне с этим вопросом, когда я забираю его от родителей.

— Олеч, ну, ты же слышал, что сказал доктор. Нужно пару дней отдохнуть, прийти к нему. Он точно скажет, что всё хорошо, и тогда можно будет в садик идти, — отвечаю с улыбкой.

— «Отдохнуть», — бурчит недовольно, надувая губки. — А я и не устал.

Ничего не говорю. Просто глажу его по волосам.

А, вот, я устала. Сегодня был сумасшедший день в офисе. На следующей неделе важный процесс и надо было подготовить горы документов.

Но устала я не от этого. Устала от нервного напряжения.

Это когда сидишь на рабочем месте и вздрагиваешь от каждого звука, каждого шороха, каждого открывания двери. Вздрагиваешь и ждёшь. Ждёшь, а он не приходит. И от этого ещё тяжелее. Потому что понимаешь, что и завтра будешь так же сидеть и вздрагивать.

Кого я ждала? Нет, не Горского. Я случайно подслушала разговор коллег и узнала, что Горского не будет до конца недели точно. И можно было бы выдохнуть, но...

Виталий Алексеевич.

Я ждала его. Мне казалось, что он вот-вот заявится и...

Но он не пришёл. Может, подумал всё, взвесил и подумал, что не нужно им этого? У их сына скоро свадьба и там будут свои дети. Рождённые в браке. С рождения знающие папу, бабушку и дедушку.

А вдруг он так подумал?

Ну... мне хотелось в это верить...

— Мам! Мам! — одёргивает меня сынок. — Хочу на лазилку!

— Куда? На площадку детскую? — переспрашиваю, не сразу понимая.

— Нет! На лазилку, про которую добрый доктор рассказывал! Скажи деду, чтобы сводил меня! Ну, мам! Он не хочет! Говорит, что я мал ещё! А я большой! И добрый доктор сказал! — тараторит Олежка.

— Лазилка... Скалодром, что ли? — я, наконец, понимаю, о чём говорит сын.

— Да! Он! — улыбается Олежка. — Мам, ну, скажи деду! Чего он?

— Ладно, потом поговорим, — киваю.

Звонит телефон и я сразу пугаюсь. Вдруг отец Горского? Уже всего боюсь! Так долго я, конечно, не выдержу. Эта неопределённость...

Но звонят с работы. Оказывается, надо срочно сделать копии к завтрашнему совещанию по процессу.

Мысленно матерюсь. Потому что уже поздно. Потому что

я юрист, а не секретарь. Потому что...

Есть много причин, почему я не должна и не хочу это делать. Но... Горский решил, что этим должна заниматься я.

Опускаю взгляд на Олежку. Везти его обратно к родителям? Поздно уже.

— Хочешь посмотреть мою работу? — улыбаюсь сыну.

— А можно?! Правда?! Ух ты! — он даже подпрыгивает.

— Хочу! Хочу! Хочу!

Вздыхаю и мы едем в офис. Там уже никого нет — поздний вечер. Быстренько сделаю всё, что нужно, и вернёмся домой.

По глазам сына вижу, как ему тут всё нравится и всё интересно. Он важно здороваётся с охранником. Потом молча стоит и ждёт лифт. Серьёзно смотрит на меня, пока поднимаемся на мой этаж.

— Мам, а где твой злой босс? — Олежка с нескрываемым интересом осматривает приёмную.

Ему тут определённо нравится. Что-то новое. Я ведь никогда раньше не брала его на работу.

— Мой босс уехал, Олж, — говорю я, быстро собирая в стопку бумаги. — Далеко-далеко уехал.

«Да и фиг с ним!» — хочется добавить мне, но это проговариваю лишь в мыслях.

— Жаль, — вздыхает сын.

— Почему это? — удивлённо смотрю на него.

— Я бы с ним поговорил! — хмурит бровки и сейчас он

ещё больше похож на Горского, когда тот вот так же хмурит брови на меня. — По-мужически! Как говорит деда!

Невольно улыбаюсь.

— Ну, значит не судьба, — вздыхаю, делая вид, что тоже сожалею об этом.

Осматриваю стол. Вроде, всё собрала. Теперь надо сделать копии и отнести в переговорную. И можно ехать домой.

— Олеж, посидишь тут один пока? — спрашиваю сына.
— Я быстро!

— Хорошо, мам. Не волнуйся! А там что? — и он тычет пальчиком в дверь кабинета Горского.

— Там... — думаю, что сказать-то. — Туда никому нельзя заходить! — серьёзно смотрю на сына. — Вообще никому! Это самая секретная комната в здании!

— Никому? Даже тебе? — округляет глаза Олег.

— Даже мне! Если туда кто-то зайдёт, то случится страшное. Помнишь, как в той сказке?

Олежка испуганно кивает и осторожно косится на дверь.

— А я думал, такая дверь только в сказке есть, — шепчет тихо.

— У нас тоже есть! Поэтому, Олеж, даже не трогай её, хорошо?

Кивает, отворачиваясь от двери.

Мне кажется, я его здорово напугала.

— На, вот, пока посчитай, сколько тут папок, — пытаюсь переключить его внимание.

— А зачем? — он наклоняет чуть голову.

— Ну... мне надо знать, уместятся они в шкафу или нет.

Поможешь?

— Конечно, мам!

— Тогда я побежала, всё быстро сделаю и домой поеду!

Ты мой помощник! — обнимаю его и чмокаю в щёку.

У двери ещё раз оборачиваюсь. Олежка увлечённо перекладывает папки, старательно считая их. Кажется, у него есть занятие и дверь его не заинтересует.

Глава 12. Игорь

— Ну, что? Может, отдохнём? С документами разобрались — можно и отдохнуть? — подмигивает мне Денис, к которому я и приехал помочь в процессе.

Денис — наш давний крупный клиент. И, конечно, не было необходимости мне лично лететь. Мог бы справиться любой из юристов пониже. Но...

Мне надо было сменить обстановку и отвлечься. И оказаться подальше от...

Чёрт. Всё равно достаёт меня! Даже здесь!

— Нет, Денис, спасибо, — отвечаю без улыбки. — Отдохнуть хочу. С утра завтра самолёт.

— Ну, смотри, — пожимает плечами Денис. — А то у меня такие девочки есть! В ресторане посидели бы. Пока холостой! — он снова подмигивает, намекая на мою скорую свадьбу.

Не могу сдержаться и морщусь.

Я прощаюсь с Денисом и его водитель отвозит меня в гостиницу.

Там, наконец, расслабляюсь. Сегодня был тяжёлый день. После душа сижу на диване, закинув голову назад и прикрыв глаза.

Стараюсь ни о чём не думать. Ни о чём и ни о ком.

Так легче. Так правильнее. Так надо.

Сейчас пораньше лечь спать. Потому что это тоже способ не думать.

Вдыхаю глубоко и медленно. Но тут раздаётся телефонный звонок.

Кто это может быть в такое время?

Нехотя беру телефон и смотрю на экран. Отец.

Что-то случилось?

Сразу же отвечаю.

— Игорь? — слышу его голос как будто немного уставший.

— Да, пап. Что-то случилось?

— Ты как, Игорь? — вдруг спрашивает он.

Ничего не понимаю.

— Да нормально. Процесс прошёл по плану. Завтра вылетаю обратно.

— А чего сам полетел? Ты же давно решил процессы в других городах подчинённым отдать. Случилось что?

Да откуда такие вопросы? Отец словно что-то пытается выведать у меня.

— Пап, ты чего звонишь? Время — ночь. Что-то произошло? — спрашиваю я.

Тяжёлый вздох и тишина.

Складывается ощущение, что он не может подобрать нужные слова. Не помню таким отца. Он всегда говорит правду. И меня этому учил.

— Произошло, — выдыхает, наконец.

— Что?

Опять тишина.

Я начинаю нервничать. Расслабление как рукой сняло. Я снова напрягаюсь.

— С мамой что? — спрашиваю взволнованно и злюсь на отца за его таинственность эту! — Пап? Слышишь? Что там у вас случилось?

— У нас, — почему-то хмыкает он. — У тебя, сынок. Тьфу! Да и у нас тоже!

Я вообще его не узнаю. Какая-то то ли растерянность, то ли обида в голосе.

— В общем, как прилетишь — поговорим, — хмуро заключает он.

Супер, вообще! Сначала взбудоражил посреди ночи, а теперь — «прилетишь — поговорим»!

— Пап, что случилось? Я же не усну теперь, — прошу мягче. — Что там?

— Уснёшь, сынок, — усмехается он. — Пока — уснёшь.

И опять загадками изъясняется!

— Ладно, давай, сын! Спокойной ночи! Как приедешь, поговорим!

И он кладёт трубку, даже не дав мне попрощаться с ним. Таращусь на телефон.

Этот странный звонок выбивает из колеи и настроение снова портится. Чтобы не возвращаться к своим мыслям, решаю пойти спать.

У меня утренний рейс и я рассчитываю прилететь домой к обеду. Мне уже не терпится поехать к отцу. Столько вопросов после этого ночного звонка!

Но рейс переносят из-за погодных условий и в итоге я оказываюсь в родном городе уже поздно вечером. Пишу отцу сообщение, что приеду к нему в офис завтра с утра, а сам решаю из аэропорта сразу заехать в свой офис за документами.

Завтра важные переговоры и надо ещё раз просмотреть всё.

В офисе уже никого нет. Рабочий день давно закончился. Я поднимаюсь к себе. Проходя мимо рабочего стола своей бывшей жены, невольно бросаю на него взгляд и хмурюсь. Отворачиваюсь и скрываюсь в кабинете.

Хорошо, что я пришёл, когда никого нет. Никого. И её тоже.

Что делать с Инной, я не знаю. А с ней надо что-то делать? Я же получил, что хотел.

Я всегда получаю, что хочу.

В очередной раз доказал себе это. Себе... и ей!

И что теперь?

Голова пухнет от мыслей. Опять.

Может, Инна права и лучше уволить её поскорее? Чтобы не встречаться с этим раздирающим душу взглядом? Уже ничего не вернётся...

Весь этот поток мыслей вызывает жажду и сухость во рту. Бар пустой и я выхожу из кабинета, чтобы пройти в комнату

отдыха. Там всегда стоят упаковки с минералкой.

Выпив одну бутылку залпом и взяв ещё одну, возвращаюсь в приёмную. На стол Инны не смотрю. Не смотрю.

Завтра буду решать, что с этим всем делать. Не сегодня.

Поднимаю взгляд на дверь, а она как будто приоткрыта. Вроде, я закрывал её? Или вышел так, оставив открытой?

Заморачиваюсь уже по пустякам. А всё из-за неё!

Хмурюсь и берусь за ручку. Надо ехать домой. Там точно станет легче. Это здесь всё душит и напоминает.

Распахиваю дверь и офигеваю. Так и застываю с бутылкой в руке и с приоткрытым ртом. И брови медленно вверх ползут.

Возле полок с моими кубками и прочей фигнёй стоит стул, а на нём... На нём стоит маленький мальчик с взъерошенными волосами. И он тянется за чем-то, а на полу уже валяется разбитый цветочный горшок. И кактус так печально лежит рядом.

Кактус, который подарила мне Евангелина. Зачем-то. Отказаться было нельзя. Вот я и поставил его на полку, на которую мало обращаю внимания.

Но, похоже, именно эта полка привлекла внимание моего незваного гостя. Но кто это?!

Мальчишка замечает меня. Глазки сразу становятся круглыми и испуганными. Но ступор у пацана проходит быстрее, чем у меня. Он ловко спрыгивает со стула и прячется под мой стол.

Я ещё раз осматриваю «место преступления». Стул, разбитый горшок, кактус.

Невольно улыбаюсь, вспоминая, как я лет в пять так же разбил горшок с любимой маминой розой.

Так. Стоп. У меня в кабинете ребёнок! В такой поздний час! Как он тут оказался?!

Медленно ступая, подхожу к столу.

— Ты кто? — удивлённо смотрю на маленького хулигана, спрятавшегося под стол и испуганно хлопающего глазами. — Ты как тут оказался?

— Я Олег, — отвечает он и тоже смотрит на меня с интересом. — Я жду маму. А ты кто?

— А я самый главный босс тут, — подмигиваю ему.

Не знаю, почему, но не получается на него злиться. Он же не специально. А ещё отгоняю от себя ощущение, что кого-то он мне напоминает. Но кого? Я раньше никогда на детей не обращал внимания. Так что мы точно не встречались. Кого он мне напоминает?

— Главный босс? — приподнимает бровки мальчуган. — Это значит ты тут самый злой и обижаешь мою маму?

Вот это поворот!

— А кто твоя мама? — прищуриваюсь и с нетерпением жду ответ.

Но вместо него мальчуган выскакивает из своего укрытия и бежит мимо меня.

— Мама! Мама!

Оборачиваюсь и у самого брови вверх ползут. Инна?! Ма-ма?!

Мальчишка подбегает к ней и обнимает её за ноги. Наши взгляды встречаются и я вижу бурю эмоций в её глазах.

Глава 13. Игорь

Мы так и стоим в ступоре. И она, и я в шоке. Только каждый по своей причине.

Не знаю, что сейчас происходит с Инной, хотя могу представить, но меня словно сносит скоростным экспрессом. Сшибает с ног, ударяя в грудную клетку.

Мне кажется, я даже удар чувствую, и поэтому отступаю на шаг и тянусь пальцами к верхней пуговице рубашки.

Расстёгиваю её и одновременно опускаю взгляд и впиваюсь им в маленького хулигана, который обнимает маму за ноги и наверняка боится. Но любопытство берёт верх и мальчуган оборачивается и, хмурия бровки, тоже смотрит на меня.

Инна словно очухивается от шока и, заметив этот мой взгляд, обнимает сына и заводит его себе за спину. Как будто спрятать от меня хочет.

Поздно, Инна.

Да и мальчишка не особо слушается её. Всё равно высывает головку и смотрит на меня.

И этот его взгляд... у меня словно взрывается что-то в груди. И горячие ошмётки разлетаются по телу, заполняя собою кровь. Она вскипает от этого и обжигает вены.

Мысли в голове лихорадочно скачут и я не могу понять, за какую из них уцепиться.

Это сын Инны. Сын? Ну да. Он же назвал её мамой. И она

не оттолкнула его. Наоборот. Вон, как прижимает к себе и так и пытается убрать любопытную головку за свою юбку.

Сын. Сын Инны.

Сколько ему?

А взгляд? У него такой взгляд! Я словно смотрю сейчас в глаза отца своего! Вот, кого он мне напомнил! Точно!

Ну же, Игорь, у тебя никогда не было проблем с логикой. Любые задачки решаешь. Самые сложные вопросы — не проблема.

Но сейчас я как будто боюсь сопоставить все данные и сделать вывод.

Боюсь?

Почему?

Опять поднимаю взгляд на Инну. Может, она поможет?

Но в её глазах растерянность. Шок прошёл и теперь там то ли страх, то ли...

Значит я прав...

Эти страх и растерянность...

— Мам! Мам! — мальчишка первым прерывает тишину, которой заполнился мой кабинет сейчас. — Мам! — тянет Инну за юбку.

Она чуть трясёт головой, словно прогоняя морок и пелену с глаз. Делает глубокий вдох и наклоняет голову к сыну. Он ручкой машет ей и она наклоняется.

— Мам! — мальчишка шепчет так громко, что я без труда слышу его секреты, с которыми он хочет поделиться с мамой.

— У него и правда рога есть! Смотри!

И маленький пальчик тычет в сторону той самой полки, за разбором которой я его и поймал.

Я тоже поворачиваюсь туда и невольно усмехаюсь, понимая, что он показывает на искусственные рога оленя, стоящие на полке. Подарок от какого-то клуба охотников — нашего клиента.

Стоп.

Что значит «у него рога есть»?

Прищуриваюсь и внимательно смотрю на хулигана.

И он чувствует опасность в моём взгляде и тут же прячется за ноги мамы.

Инна тем временем уже пришла в себя. Уверенной походкой разворачивается и выходит из кабинета вместе с мальчиком.

А я?

Она думает, что вот так и уйдёт?!

Иду следом.

— Инна, — окликаю её, когда она уже собирается выйти из приёмной, держа за руку сына.

Останавливается, но не оборачивается. Зато мальчуган поворачивает голову и смотрит на меня.

Я обхожу их и встаю перед Инной.

— Инна, ты ничего не хочешь мне сказать? — спрашиваю, засовывая руку в карман брюк и опуская взгляд на мальчишку.

Рассматриваю его, а он высовывает язык и показывает его мне. Ещё и носик морщит.

Однако.

Вздёргиваю брови.

— Игорь, давай завтра поговорим? — Инна впервые про-
износит хоть что-то.

Вижу, что каждое слово даётся ей с трудом. Она говорит очень тихо и голос какой-то чужой.

Сжимает детскую ладошку обеими руками. А пальцы дро-
жат. Даже отсюда вижу это.

Дышит неровно.

— Вы домой? — перевожу разговор, чтобы она хоть
немного расслабилась.

Вопросительно смотрит на меня.

— Я отвезу вас, — говорю тоном, не терпящим возраже-
ний, и достаю из кармана брелок от машины.

— А у тебя и машина есть? — звучит звонкий голосок
снизу.

Опускаю голову и опять встречаюсь взглядом с мальчиш-
кой. Но, чёрт подери! Как же он похож на моего отца! Этот
взгляд!

Сажусь на корточки, чтобы быть на одном уровне с паца-
ном.

— Есть, — киваю. — Хочешь покатаю?

Хмурится и мотает головой.

— Я со злыми дядями не катаюсь! — швыряет мне в лицо.

Поднимаю суровый взгляд на Инну.

Глава 14. Игорь

Отводит глаза. Кладёт руки на плечи мальчишки и прижимает его к себе.

Инна сейчас как в прострации. Похоже, это всё слишком неожиданно для неё. Значит она всерьёз надеялась скрыть от меня существование этого малыша?

Пять лет! И ни намёком, ни словом!

Неужели она настолько жестока?!

Но все эти вопросы я задам Инне потом. Сейчас есть проблема посерьёзнее.

Вон, как хмуро смотрит на меня.

Чёрт. Я сам ощущаю себя нашкодившим пацаном перед хмурым взглядом отца.

Опять смотрю в глаза, так напоминающие мне глаза отца.

— Тебя как зовут? — спрашиваю мягко, тщательно скрывая дрожь в голосе.

Знаю, что всю ночь буду прокручивать в голове каждую секунду этой встречи. Всё обдумывать, пытаться понять.

Пока действую интуитивно.

«Злой дядя».

Ну, неприятно, да.

Но как-то же можно найти контакт?

Я такие переговоры вытаскивал из задницы. С такими клиентами находил общий язык. Вытягивал такие ситуации!

А тут... маленький мальчик... и я... я не знаю... потому что не просто мальчик?

Мне не нужно подтверждение от Инны. И ДНК не нужен. Малыш молчит. Смотрит на меня, насупившись. Ладно.

— Меня Игорь зовут, — говорю, чуть улыбаясь.

— Как деду! — восклицает малыш и поднимает взгляд на Инну.

А у той лишь губы дрожат. И она сильнее вцепляется в плечи сына. Как будто боится, что я сейчас схвачу его и убегу.

Мне даже кажется, что ему больно.

— А я знаю твоего деда, — продолжаю я.

— Врёшь! — звучит в ответ.

Но брови у малыша расходятся и приподнимаются. Хотя бы уже другие эмоции на лице.

— У деды Игоря есть ещё арбалет? — улыбаюсь уголком губ.

— Есть! — кивает мальчишка. — А ты что? Видел его? Откуда знаешь?

— Видел! — хмыкаю я наигранно гордо. — Я даже стрелял из него!

Мальчишка раскрывает восхищённо рот и делает круглыми глаза.

— И деда тебе разрешил?! Или ты украдкой?!

— Разрешил, — киваю, невольно улыбаясь.

Такое приятное тепло растекается в груди от этого обще-

ния. Словно что-то светлое и очень большое наполняет меня. Что-то незнакомое прежде, но очень приятное.

— Эх, — вздыхает вдруг малыш, — а мне не разрешает. Говорит, что я ещё маленький. Эх. А я не маленький! — опять хмурится.

— А хочешь я тебе дам машину порулить? — предлагаю я.

Больше мне и предложить ему нечего пока. Говорю это и опасаясь, что оттолкнёт, откажется. Что тогда?

Я даже в самых сложных переговорах так не нервничал. Прямо чувствую, как по позвоночнику пот течет и рубашка липнет к спине.

— А можно? — глаза мальчишки загораются огоньком нескрываемого любопытства.

И он даже подаётся вперёд ко мне. Но потом как будто вспоминает что-то и задирает голову вверх. Смотрит на маму.

— Мам, можно? — спрашивает у неё.

И я поднимаю на неё взгляд. Смотрю так, что она не сможет сказать «нет». Не посмеет.

В моём взгляде всё. И радость от появления этого маленького человечка в моей жизни. И негодование на Инну за то, что скрывала. И обида. Горечь от осознания, что столько лет я был лишён чего-то очень важного. Слишком важного, чтобы легко простить и перестать думать об этом.

И Инна всё понимает. Легко читает мои эмоции. Она все-

гда могла читать меня. Всегда.

Нам не нужны были слова, чтобы понять друг друга.

Вот и сейчас она облизывает нервно губы и словно собирает остатки воли.

— Игорь, давай завтра, — опять предлагает, заранее зная, что я не соглашусь.

На что надеется?

— Мы на такси доедем, — кладёт ладонь на непослушные волосы сына.

Я встаю и смотрю теперь на неё сверху вниз.

— Ты время видела? Ну, какое такси с ребёнком ночью? — говорю спокойным голосом, но твёрдо, давая понять ей, что не намерен больше обсуждать это.

Снова опускаю взгляд на малыша.

— Ну? Пойдёшь рулить? — и протягиваю ему руку. — А я тогда обещаю с дедом Игорем поговорить, чтобы разрешил тебе из арбалета пострелять, — подмигиваю ему.

— Правда? Не врёшь? — восклицает он и поворачивается к Инне. — Мам, можно?

Впиваюсь в неё тяжёлым взглядом.

Вместо ответа — вздох.

— Пойдём, мам! — тянет её за руку малыш. — Он деда Игоря знает! Тогда мы его точно в угол поставим! Пойдём!

Что ещё за угол? Ладно, не важно.

Главное, что Инна, несмотря на внутреннее сопротивление, поддаётся сыну и идёт за ним.

Глава 15. Игорь

Мне тоже хочется сжать детскую ладошку. Я не знаю, каково это — держать за руку сына. Но почему-то уверен, что именно этого мне и не хватает. И теперь жизнь уже не будет прежней. Пока я не прикоснусь к сыну.

Но мне-то никто не протягивает ладошку. Малыш крепко держит маму за руку и уверенным шагом идёт из комнаты. Инна — за ним. А я... я чувствую себя чужим здесь.

И это злит ещё больше.

Молча наблюдаю за этими двумя фигурами, особенно остро ощущаю нехватку чего-то, чего меня лишили вот так жестоко, даже не спросив, а надо ли мне?

Почему? За что?

Да, мы расстались, но разве я не имел права знать? Если я отец... если...

Ещё раз внимательнее вглядываюсь в мальчишку, уже со спины. Да, чёрт! У него даже походка наша! Отцовская и моя.

Ну, Горский он!

Хмурюсь и сжимаю губы.

Тоже иду за ними.

Заходим в лифт. Мальчишка первым нажимает на кнопку и снова поднимает на меня свой любопытный взгляд.

Инна всё так же держит его за плечи, прижимая к себе.

Смотрю в глаза, в которых могу пропасть сейчас. Все негативные эмоции смывает горячей волной осознания, что я сегодня получил, наверное, самый главный приз. Только взять его не могу.

Вот, он, стоит передо мной. Хлопает ресницами. Иногда хмурится. Не улыбается.

Стоит, а взять его нельзя. Потому что словно стена между нами.

Не подпустит к себе.

И, как доказательство, мальчишка берёт и поворачивается ко мне спиной. Снова обнимает маму за ноги. Утыкается лицом в неё.

Инна медленно проводит ладонью по волосам сына. Словно хочет успокоить его. А у самой руки дрожат.

Он же тоже всё понимает.

Понимает.

Потому что отлепляется от неё и задирает голову. Шепчет громко:

— Не бойся, мам! Я с тобой! Я его стукну, если он тебя обидит!

И его слова эхом отдаются в тягучей тишине кабинки лифта.

Рикошетят о стену и бьют мне в самое сердце.

Стреляю взглядом в Инну. Не смотрит на меня. Опустила взгляд и обнимает сына.

Кажется, что лифт движется целую вечность. Эти этажи

мы преодолеваем как ещё один этап в нашей жизни.

Да, она уже не будет прежней. Ни у меня, потому что в ней появился человечек, который точно изменит всё. Перевернёт всё с ног на голову. Но я хочу этого!

Да и у Инны жизнь круто развернётся. Теперь я знаю и с этим надо что-то делать.

Ей.

Для себя я уже всё решил.

Лифт останавливается и я пропускаю вперёд Инну с сыном. Жду, что он протянет мне ладонь.

Ну, вдруг?!

Но, конечно, нет.

Он даже не смотрит на меня. Проходит, держа маму обеими ручками.

Подходим к машине. Снимаю сигналку.

— Нравится? — спрашиваю, глядя на мальчишку.

Вижу же по глазам, что с интересом рассматривает мою машину.

Мотает головой.

Врёт.

— Ну, хорошо, — ухмыляюсь. — Садись, рулить будем! — и открываю перед ним дверь водительского сиденья.

— Не хочу! — хмурит брови и грозно смотрит на меня. — Домой хочу. С мамой!

Ну и характер!

Но вслух ничего не говорю. Просто открываю дверь те-

перь уже пассажирского сиденья:

— Ну, садитесь. Поехали домой.

Мальчишка поднимает взгляд на маму. Словно ждёт одобрения.

Я впиваюсь в неё взглядом, чтобы даже и не думала спорить.

Я отвезу их. Я!

Инна всё понимает без слов. Помогает сесть сыну и сама садится.

Тяжело выдыхаю, уже заранее предчувствуя, что сложности будут по всем фронтам. Даже и не знаю, к чему прежде всего готовиться. Ни тут, ни там мне не рады.

Но это пока.

Сажусь и сразу завожу мотор.

Плавню выезжаю с парковки и ловлю себя на мысли, что что-то меняется в салоне моей машины. Она пропитывается новыми запахами. Воздух разряжается и мне кажется, я чувствую дыхание маленького человечка, сидящего сейчас на заднем сиденье. А ещё слышу стук сердца его мамы.

Быстрый взгляд в зеркало заднего вида. И я ловлю взгляд Инны. Она не успеваеа отвести его.

Сердце пропускает удар. Колкий, болезненный. Обида напоминает о себе.

Как она могла скрывать от меня?!

Вот такого я точно от неё не ожидал! Подумать только! Ведь она бы уволилась через несколько дней! Уволилась бы

и... всё?! Я бы так и не узнал о мальчишке?!

Осознание тяжести совершённого ею поступка заставляет крепче сжать руль, чтобы не выругаться и не испугать малыша.

Сын.

У меня есть сын?!

Сын?

Делаю глубокий вдох, возвращая себе способность мыслить рационально.

Теперь мне предстоит решить всё с Инной. Интересно, что она скажет в своё оправдание.

Мы так и едем молча. Я то и дело смотрю в зеркало. Но взгляда Инны больше не ловлю. Вижу лишь, что она обнимает сына, и тот прижимается к ней.

Что делать, а? Впервые у меня нет ответа на такой, казалось бы, простой вопрос.

Подъезжаем к их дому. Оглядываю обычную многоэтажку.

Двор уже пустой. Почти ночь. А у меня сна ни в одном глазу.

Да я вообще не усну сегодня!

Я выхожу и не успеваю открыть дверь Инне. Она сама делает это.

Я лишь перехватываю её за руку, когда она выходит из машины.

— Уложи сына и спускайся, — цежу сквозь зубы, чуть

сильнее сжимая хрупкое запястье.

Взгляд, полный ненависти, но сейчас меня ничего не трогает.

Всё взаимно, Инна.

— Игорь, давай завтра, — шепчет она, дёргая руку из моего захвата.

Отпускаю.

— Сегодня, Инна, — говорю жёстко. — Уложи сына и выходи. Я здесь. Жду.

— Это может занять много времени, — не сдаётся она. — Он взбудоражен и не скоро уснёт.

— Ничего. Я подожду. Ты же не хочешь, чтобы я перебудил весь двор?

Злой блеск в глазах.

Всё равно.

— Я жду, — повторяю, сжимая губы, и наклоняюсь, чтобы помочь выйти мальчишке.

Вижу, что Инна чуть отходит, опустив голову.

Смотрю на пацана.

Он сам выпрыгивает из машины. Разворачивается, чтобы убежать за мамой. Но вдруг оборачивается и зовёт меня указательным пальцем.

Наклоняюсь к нему.

— Ты видел, что я сделал с твоим кактусом? — шепчет заговорщически.

Киваю, не понимая, к чему он об этом.

— Если ты будешь ещё обижать мою маму, я тебе... — показывает мне маленький кулачок.

Ну, вот, реально! Он мне угрожает! Трясёт кулачком в воздухе перед моим носом и, пока я тихо офигеваю, он срыгается с места и убегает прочь.

Глава 16. Инна

На ватных ногах я захожу в квартиру. Олежка сразу бежит к своим игрушкам.

Так лучше.

Пусть не видит, в каком состоянии сейчас мама. Хотя мне кажется, он всё равно всё понимает. Поэтому и пытается меня защитить. По-своему, как умеет.

Я прислоняюсь спиной к стене и прикрываю глаза.

Полный крах. Крах всего. Моей спокойной жизни. Надежд. Моего маленького мира с сыном.

В него бесцеремонно ворвался Горский. И как и пять лет назад он сломает всё ради достижения своей цели.

— Мам! Ты чего? Плачешь?

Олежка дёргает меня за руку.

Открываю глаза и смотрю на пронзительный взгляд сына.

— Нет, Олеж, — пытаюсь улыбнуться. — Устала просто...

А сама на автомате ладонью стираю слезу со щеки.

— Мам, ты из-за него, да?

От сына ничего не скроешь. У нас с ним такая связь, что он легко читает мои эмоции.

— Я ему там жука-вонючку положил под сиденье! — гордо заявляет сын. — Он там ему навоняет! — смеётся звонко.

— Какого ещё жука? Зачем? Где ты взял его? — шепчу растерянно.

— На подоконнике. Пока тебя ждал там. Я хотел его выпустить, а потом подумал, что положу ему под стол. Ну, в той комнате, куда заходить нельзя... было... — опускает взгляд.

— А ты зашёл, да? — взъерошиваю его волосы.

— Это его комната, да? Его? — опять смотрит на меня.

— Кого, сынок?

— Твоего злого босса? Его ведь?

— Угу. Не надо было туда заходить, Олеж, — вздыхаю, подумав, что Горский всё равно увидел бы сына.

И чего он притащился в офис в такое время?! Он вообще в командировке должен быть!

— Мам, не плачь! — бросается мне на шею и обнимает. — Я тебя защищать буду! Я с ним поговорил! По-мужически! Как деда!

И опять слеза по щеке стекает. Но теперь уже от радости, что у меня такой сын.

Мой. Только мой!

Крепко сжимаю его.

Зажмуриваюсь.

Не отдам.

Выдыхаю. Уже очень поздно. В это время сын уже спит всегда. Поэтому отпускаю его и быстро целую в щёку.

— Пойдем укладываться, Олеж, — вздыхаю.

Ведь это означает лишь одно — мне предстоит разговор с Горским.

По его взгляду, голосу, по его поведению я уже морально

готовлюсь к маленькой битве. Битве за сына. За свой мирок.

Олежка засыпает быстро. Несмотря на сегодняшние события, он устал. К тому же для него это просто злой дядя. Ничего особенного.

Пока...

Поправив одеяло и поцеловав его нежно в висок, выхожу на кухню. Встаю у стены, скрываясь за шторой.

Выглядываю в окно. Во мне ещё теплится надежда, что Горский уехал. Ну, вдруг?

Пусть это будет так! Пожалуйста! Прошу сама не знаю чего.

Но нет.

Горский стоит, присев на капот своей машины. Одна рука в кармане брюк, а второй он держит себя за затылок, опустив взгляд.

И он не собирается уезжать. Он ждёт. Меня ждёт.

И словно чувствует мой взгляд. Неожиданно резко вскидывает голову и блуждает взглядом по окнам нашего дома.

Отскакиваю от окна и сердце начинает разбег. Оно сейчас сорвётся на космическую скорость и я не смогу его успокоить.

А мне надо сохранять хладнокровие. Слишком многое поставлено на карту. Я и так дала Горскому повод думать, что растерялась.

Да, растерялась. Но это просто шок был! А сейчас я смогу. Смогу.

Снова и снова убеждаю себя, что мне хватит сил на этот разговор. Готовлюсь. Пусть ждёт.

Опять краем глаза выглядываю в окно.

Ждёт.

Уже не стоит, а ходит туда-сюда вдоль машины своей. Медленной походкой, будто размышляет о чём-то.

Смотрит на часы, потом снова наверх.

И я набираюсь смелости. Да, я смогу.

Я не та, что была пять лет назад. Сейчас у меня есть сын и ради него я смогу.

Решительно шагаю к входной двери.

Глава 17. Инна

Крепче обнимаю себя, выходя из подъезда. На улице не холодно, тёплый летний вечер. Но меня пробирает насквозь. Мне кажется, я даже под кожей ощущаю мурашки.

Они проникают в вены и несутся бешеным потоком к сердцу, заставляя меня вдыхать полной грудью, чтобы не задохнуться. От собственного бессилия и какой-то... обречённости, что ли...

Поднимаю взгляд и тут же встречаюсь со взглядом мужчины, который так много значит в моей жизни... До сих пор... несмотря ни на что.

Горский молча открывает дверь пассажирского сиденья. Приглашая меня сесть.

Я зачем-то поднимаю голову и смотрю на окно своей квартиры.

Там спит мой сынок. Мой!

Горский молчит. Ждёт терпеливо. И это, наверное, хороший знак? Он не сыпет обвинениями, не цедит проклятия. Он просто ждёт.

Или я успокаиваю себя? Цепляюсь хоть за что-то?

Я не чувствую ног и даже касания к земле. словно по воздуху плыву к машине.

Сажусь.

Горский тихо хлопает дверью, обходит машину и тоже са-

дится.

И моментально в салоне словно пропадает кислород. Воздух сгущается от нашего напряжения и недосказанности. Стягивается в тугий узел. Но страшно не это. Страшно то, что я знаю, что этот узел разорвётся. Сейчас. Здесь. И я ничего не могу с этим поделать.

— Как зовут сына? — звучит первый вопрос Горского и я даже выдыхаю с облегчением, потому что невозможно сидеть в этой тишине.

— Олег, — отвечаю и голос свой не узнаю.

Чужой голос. Хриплый. Он идёт откуда-то из груди.

Откашливаюсь, утыкаясь взглядом в колени.

Горский тоже на меня не смотрит. Сидит ровно, вцепившись руками в руль, и смотрит вперёд.

— Сколько ему?

Как на допросе. Его голос звучит безапелляционно, запрещающая мне молчать и не отвечать.

Но я не слышу злобу в его голосе. Обиду — да, но не злобу. Это немного успокаивает.

Хотя о каком успокоении я говорю?!

Да меня трясёт всю! Не от разговора! А от неизвестности!

— Почти пять, — голос, вроде, возвращается.

И опять тишина.

Горский переваривает свалившуюся на него информацию.

Интересно, каково это вот так узнать вдруг, что у тебя есть

сын?

Дурацкие вопросы! Меня они не должны касаться!

Я не чувствую за собой вины и он не привьёт её мне!

Чуть поднимаю взгляд и кошусь на мужчину. Замечаю, как побелели костяшки его пальцев — он с такой силой сжимает руль.

Потом вдруг резко поворачивается и я не успеваю убрать взгляд.

Глаза — в глаза.

— Почему? — звучит короткий вопрос. Всего одно слово.

— Почему, Инна?

Поразительно, что у него не вызывает сомнений, что Олег его сын. Он не говорит о ДНК, не спрашивает, его ли это сын. Он уверен в этом.

Наверное, в любой другой ситуации я была бы счастлива. Но не сейчас. Не с Горским.

— Какая разница? — отвечаю, отворачиваясь и сжимая пальцы в замок на коленях.

— Скажи, если бы не эта случайность, ты бы так и не сказала мне? Просто ушла бы? Опять? Как тогда?

По его голосу я слышу, что он уже не может себя сдерживать. Пытается, но привычная для злого Горского манера общения рвётся наружу. В мою сторону, разумеется.

Я молчу. Я знаю, что нет сейчас слов, которые бы он понял и принял. Что бы я ни сказала, я буду виновата. Во всём.

И я не собираюсь оправдываться. Хватит.

— Ты знала тогда, что ждёшь ребёнка? — пытается меня Горский. — Когда уходила? Знала, Инна? Ты специально это сделала, да?

— Что? — не выдерживаю. Он выводит меня на эмоции. Не спрятаться.

— Специально забеременела от тебя? — цежу сквозь зубы.

— Бред! — ударяет ладонью по рулю. — За столько лет ты не нашла возможности рассказать мне?

В глазах — опасный блеск. Только я уже не боюсь. Уже нет, Игорь.

— Может, потому что не хотела? — приподнимаю бровь.

Я веду себя неправильно. Я злю Горского. И это ничем хорошим для меня не закончится. Но...

Он сжимает губы и рычит. С каким-то надрывом рычит. Гортанный рык вырывается, заставляя меня зажмуриться.

— Ты... — выдыхает и снова ударяет по рулю.

Громко и часто дышит. Становится страшно. За Горского. Откуда такая реакция?

Он с хрипом вдыхает и медленно выдыхает. Словно пытается успокоиться. Опять взять себя в руки.

Грудь часто вздымается и кажется, что температура в салоне резко устремляется вверх. Я вижу его напряжённые мышцы, как скулы двигаются на лице.

— Завтра ты принесёшь мне в офис документы на сына, — цедит Горский, оперевшись взглядом в лобовое стекло.

Я замираю.

— Зачем? — шепчу сухими губами.

Резкий поворот ко мне.

— Без глупостей, Инна, — каждое его слово как кинжал входит в моё быющее беспомощно сердце. — Документы на сына. Все.

Быстро облизываю губы, чтобы повторить свой вопрос.

Взгляд Горского тут же падает на них и он словно обмякает. Расслабляется. Или мне уже кажется?

Хмурится и отворачивается.

— Жду документы. Завтра. Иди к сыну, Инна, — произносит тихо, всем видом показывая, что не намерен больше со мной разговаривать.

Глава 18. Инна

Ночь я практически не сплю. И не потому, что Олежка тоже спит беспокойно. Он просыпается несколько раз за ночь, хнычет, но говорит, что у него ничего не болит. Потом снова засыпает.

А я не могу. Лежу, прижав к себе сына. Губами касаюсь его волос. Дышу его запахом.

Я так привыкла, что он только мой. Смогу ли я делить его с Горским?

Олег умненький мальчик и давно перестал меня спрашивать, где его папа. Наверное, когда подрос и понял, что мне неприятны такие вопросы.

Он вообще меня чувствует. Не хочет, чтобы я расстраивалась.

Утыкаюсь лицом в его макушку. И, наверное, забываюсь на пару часов на рассвете. Потому что просыпаюсь от детского плача.

Быстро открываю глаза.

— Олеч, что случилось? У тебя болит что-то? — целую его в лобик и понимаю, что он горяченней!

Ощупываю сына. Он горячий! У него температура.

Олежка лишь хнычет в ответ и трёт глазки кулачками.

Целую его.

— Сынок, полежи, я попить тебе сделаю. Горлышко бо-

лит?

Мотает головой.

— А что болит? Может, голова?

Опять мотает головой.

— Ну, хорошо, полежи. Я сейчас.

Быстро иду на кухню и ставлю чайник. Заварю ему детский фруктовый чай. Надо, наверное, врача вызвать? Позвонить на работу, что не приду...

Горский...

От мыслей о бывшем муже меня отвлекает звонок телефона. Незнакомый номер, но я отвечаю.

— Здравствуйте! — кажушийся знакомым мужской голос мягко приветствует меня.

— Здравствуйте, — отвечаю растерянно, наливая кипятков в любимую чашку Олежки. — Это кто?

— Алексей... Фёдорович. Помните?

— Нет, — отвечаю честно. — Вы извините, я не могу сейчас говорить. У меня у сына температура, — я хочу свернуть разговор с неизвестным мужиком.

— Что с Олегом?

Он знает имя моего сына?

— Вы не пугайтесь, — звучит в трубку. — Это доктор Петров. Алексей Фёдорович. Вспомнили? Я вашего сына осматривал после падения в саду.

Точно! Алексей Фёдорович! Как неудобно!

— Что-то случилось? — спрашиваю быстро.

— Что с Олегом? У него только температура или что-то болит ещё? — строго произносит доктор.

— Я не знаю... — отвечаю неуверенно. — Вчера всё хорошо было. А с утра он капризничает и температура... Вроде, ничего не болит пока. Я хотела врача вызвать на дом...

— Не надо, — уверенно звучит в трубку. — Я сейчас приеду. Я как раз еду мимо вашего района.

— Но... это как-то неудобно...

— Почему? Олег — мой пациент. Я лишь хотел... решил убедиться, что с ним всё в порядке, — он словно ищет оправдания себе. — Вы же всё равно ко мне на приём должны послезавтра прийти?

— Ну да.

— Ну, вот, — по голосу слышу, как он улыбается. — Я должен посмотреть Олега, раз у него температура. Я буду у вас минут через двадцать.

— Хорошо, — всё, что у меня получается произнести в ответ.

Глава 19. Инна

— Здравствуйте ещё раз, — доктор Петров уже у меня на пороге. — Как Олег?

— Лежит. Я ему попить дала, — отвечаю я, оглядываясь на дверь спальни, где остался сын.

— Это правильно. Где руки можно помыть? — мужчина разувается и уверенно проходит в квартиру.

Я не спорю. Веду его в ванную. Он быстро моет руки и мы идём к Олегу.

— Ну, что, скалолаз? — доктор подмигивает сыну и помогает ему сесть. — Что случилось?

— Не знаю, — пожимает плечами Олег. — Может, это из-за жука-вонючки? Я его вчера трогал.

— Хм. Жук-вонючка — это серьёзно, — доктор задирает на сыне майку и достаёт фонендоскоп. — Давай-ка вдохни побольше воздуха.

Олег послушно делает то, что говорит доктор.

— Ну, ничего страшного, — говорит мужчина с улыбкой. Убирает фонендоскоп и достаёт из кармана яблоко. Протягивает его Олегу.

— Фу! Не люблю фрукты! — морщится он.

— А зря! — доктор легонько щёлкает его по носу. — Если хочешь выздороветь, то надо есть именно фрукты, а не конфеты! Хочешь сильным вырасти?

— Да! Я буду защищать маму!

Доктор улыбается и смотрит на меня.

— Молодец, — гладит по голове Олега.

Потом поправляет на нём майку и встаёт.

— Я думаю, пару дней Олегу лучше дома побыть, — говорит уже мне.

— Но что с ним? Почему температура? Вирус какой-то? — беспокоюсь я.

— Не думаю. Такое бывает от стресса. Возможно, вчера Олег переволновался. Организм ещё маленький, не окрепший. К вечеру, я полагаю, пройдёт. Давайте ему тёплое питьё. Ну и никаких подвижностей. Пусть полежит пока. Я вам больничный оформлю, если для работы надо.

Киваю, запоминая все эти инструкции.

Мы выходим из комнаты.

— Спасибо вам, — благодарю его. — Вы позвонили с утра... я, честно говоря, не ожидала...

— Ну, я решил проверить, как самочувствие моего пациента. Всё-таки, падение было. Думаю, дай позвоню, узнаю, как там скалолаз поживает, — у доктора такая тёплая улыбка.

Все проблемы прочь уходят. Даже удивительно.

— Может, кофе? Или чай? Или вы, наверное, на работу торопитесь? — я предлагаю, скорее, из вежливости, рассчитывая на то, что он откажется.

Но доктор Петров, к моему удивлению, произносит:

— С удовольствием! У меня с утра как раз нет пациентов. Если, конечно, я вас не стесню...

— Да нет, — растерянно отвечаю я. — Вы извините, мне позвонить надо. На работу. Предупредить, что я не приду.

— Конечно, — улыбается он.

Приглашаю его на кухню, а сама остаюсь в коридоре. После звонка на работу иду к нему.

А на кухне уже чайник закипает.

— Я позволил себе немного помочь вам, — говорит доктор в ответ на мой удивлённый взгляд.

— Вам кофе или чай? — спрашиваю я.

— Кофе, пожалуйста. А как Олег спал ночью?

Я достаю чашки, кофе, сахар, сливки, пока доктор садится за стол.

— Плохо спал, — вздыхаю. — Просыпался.

— Хм. Что-то случилось вчера? Обычно он хорошо спит?

— Обычно — да. Я...

У меня звонит телефон. Номер не определён.

— Извините, — говорю я и опять выхожу в коридор. Отвечаю.

— Здравствуй, Инна, — замираю, услышав ровный голос Горского. — Вы когда с Олегом выходите?

Ему ещё не передали, что я не приду?

Собираюсь, чтобы звучать так же спокойно и ровно.

— Игорь, я сегодня не приду.

И прямо слышу напряжение, повисшее в трубке. Навер-

няка Горский уже напридумал там себе!

— У Олега температура, — говорю я. — Я должна с ним дома остаться.

— Что с ним? — тревога в голосе бывшего мужа. — Врача вызвала? Может, в клинику надо? У меня есть знакомый...

— Игорь, успокойся, — прошу я. — Ничего страшного. Доктор... — поворачиваюсь в сторону кухни, — доктор уже был. Ничего серьёзного.

Горский громко выдыхает. Секунда.

— Хорошо, я поднимусь, открой мне.

У меня чуть телефон из рук не падает. В смысле?!

— Ты что... ты здесь? — шепчу моментально пересохшими губами.

— Да, я заехал, — и слышу в трубку шаги.

Он уже идёт!

— Игорь, но...

— Инна, открой мне. Я хочу видеть сына, — звучит уже жёстче.

Глава 20. Инна

— Что-то случилось? — доктор спрашивает, как только я возвращаюсь на кухню.

Я уже нажала кнопку домофона и теперь секунды отсчитывают шаги Горского. Я прислушиваюсь к каждому звуку.

— Что? Ничего, — чуть мотаю головой.

— Просто вы так побледнели... — хмурится он. — Вы знаете... — встаёт и в глаза мне не смотрит, — я, наверное, пойду.

— А кофе?

— Я вспомнил, у меня пациент скоро... пойду...

Одна моя половинка очень хочет, чтобы он ушёл до того, как в квартиру заявится Горский, а, вот, вторая... да какого чёрта?! Почему я должна бояться? Горский мой бывший муж. У каждого из нас своя жизнь.

Звонок в дверь. Пф.

Короткий обмен взглядами с доктором и я иду открывать.

На пороге стоит Горский. Хмурый. Под глазами синяки, словно он не спал всю ночь. В руках — большой бумажный пакет.

— Здравствуй, Инна, — говорит он и тут же осекается, переводя взгляд мне за спину.

Брови ещё сильнее сдвигаются к переносице. Губы превращаются в тонкую полоску.

— Добрый день, — слышу за спиной голос доктора. — Инна, я поеду. Жду вас с Олегом завтра у себя. Если ему станет хуже, хотя я не думаю, что так будет, но всё же... сразу звоните мне. Номер у вас есть.

Он обходит меня и наклоняется, чтобы обуться.

— А вы, собственно, кто? — звучит ледяной голос Горского.

Доктор выпрямляется и смотрит ему в глаза.

— Врач. Петров Алексей Фёдорович, — и протягивает руку моему бывшему.

Тот не сразу, но отвечает.

— Горский.

— Очень приятно, — улыбается доктор и потом поворачивается ко мне. — Всего доброго, Инна, — теперь уже руку мне протягивает. — И не волнуйтесь больше. Конечно, даже эта бледность не может испортить вашу красоту, но с румянцем вы гораздо привлекательнее, — и жмёт мои пальцы.

Боже, зачем он это всё говорит? Щёки моментально вспыхивают и я забираю руку.

— До свидания, — отвечаю тихо.

— До встречи завтра! — улыбается доктор. — Всего доброго, — кивает Горскому.

Я не смотрю на него. Хотя остро ощущаю на себе его взгляд. Мне даже кажется, что я слышу скрежет его зубов.

Да с чего бы вдруг?!

Закрываю за доктором дверь и отхожу. Горский всё так

же стоит с пакетом. Пытается испепелить меня взглядом.

— Ты же сказала, что доктор уже ушёл, — произносит первым. — Или это другой доктор? — и я слышу насмешку в его голосе.

— Ты зачем пришёл? — поворачиваюсь к нему. — Если ругаться, то уходи. Это мой дом и я не намерена это всё выслушивать.

— Твой дом, — хмыкает он. — Здесь живёт мой сын. Сын, которого ты скрыла, Инна! Что с Олегом?

— Похоже на стресс, — отвечаю уже спокойнее. У меня нет ни сил, ни желания спорить и ругаться. — Проходи, я пойду посмотрю, как он.

Иду в спальню. Господи, за что это всё? Что делать с Горским? Он нам с Олегом нафиг не нужен в нашей жизни. Зачем он? От него будут одни проблемы. Я же знаю!

Захожу тихо в спальню и вижу, что Олег уснул. Подложил под головку ладошку и сладко спит. Рядом на подушке лежит недоеденное яблоко.

Убираю его и поправляю одеяло на сыне. Выхожу и тихо закрываю дверь. Стою несколько секунд, держась за ручку и опустив голову.

Я не знаю, как вести себя с Горским. Не знаю! В голове такой сумбур, что ни одной толковой мысли. Я думала, у меня будет время, чтобы всё обдумать, пока сижу дома с Олечкой. Но Горский... я никогда не могла его предугадать. У бывшего мужа поразительная способность ставить меня в тупик.

Не спрятаться. Он сидит там и ждёт. Я не должна ему показывать, что это сбивает меня. Пусть не радуется.

Поэтому набираю воздуха, выпрямляюсь и иду.

Застаю Горского на кухне. Он стоит у стены и хмуро смотрит на чашки на столе. Я беру их и иду к раковине.

— Олежка уснул, — говорю тихо. — Я не знаю, сколько он проспит. Всю ночь плохо спал.

— Ничего, я подожду, — отвечает Горский и садится за стол. — Не знал, что врачи пьют кофе у пациентов, — слышу усмешку.

Не отвечаю.

— Что это за доктор Петров, Инна? Твой знакомый?

Да что ему надо?!

Молчу.

— Надеюсь, сюда не ходят толпы мужиков, — хмыкает он. — И ты встречаешься на нейтральной территории, не при сыне...

Резко разворачиваюсь и устремляю на него прожигающий взгляд.

— Тебя это в любом случае не касается, Горский, — цежу сквозь зубы. — Не касается. Я же не спрашиваю, где и как ты встречаешься со своей невестой.

— Невестой, Инна. Именно, что невестой, — спокойно отвечает он, откидываясь на спинку стула. — Это не какая-то случайная девка. Она моя невеста.

— Поздравляю! — вырывается у меня. — Это как раз то,

чего ты заслуживаешь!

Выражение лица Горского моментально меняется. Он резко встаёт и шагает ко мне.

Не показываю страха, кусая щёку во рту. Упираюсь руками в столешницу и мне приходится чуть отклониться назад, когда мужчина оказывается слишком близко.

— Повтори, что ты сказала, — Горский щурится и нависает надо мной.

Его вмиг потемневший взгляд блуждает по моему лицу. Желваки ходят по скулам, а грудь вздымается так, что того и гляди коснётся меня.

На мгновение становится страшно. Но я беру себя в руки и толкаю его в грудь. Освобождаюсь от невидимых оков. Тру виски.

— Прости, — звучит тихое за спиной.

Глава 21. Игорь

Я в очередной раз срываюсь рядом с ней.

Это противоречит всем правилам, по которым я привык жить эти годы. Это раздражает. Злит. И я вымещаю свою злость на ней.

Хотя мне должно быть всё равно.

Почему маска равнодушия и холода не работает рядом с Инной? Она, ничего не делая, заставляет меня снова и снова испытывать что-то забытое. Такое далёкое, но отчаянно рвущееся наружу из глубин, в которые я запрятал всё, что было между нами.

Я ведь жил так. Прекрасно жил до того дня, когда снова встретил её...

— Прости, — выдыхаю, застывая у неё за спиной.

Таращусь на хрупкую фигурку с чуть приподнятыми плечами. Она словно защищается так от меня.

А мне приходится сжать пальцы в кулаки и засунуть их в карманы брюк. И отвернуться.

— Ты права, — цежу сквозь зубы, борясь сам с собой. — У каждого из нас своя жизнь. Есть лишь сын, ради которого мы вынуждены будем встречаться, Инна. Я не хочу, чтобы ты думала, что я... — и не могу подобрать нужных слов, чтобы звучать убедительно, но не грубо.

— Я и не думаю, — приходит она мне на помощь.

Тяжело выдыхает и оборачивается. Поднимает на меня взгляд.

Секунды тишины. Я смотрю ей в глаза, чтобы убедить прежде всего себя, что всё прошло. Всё остыло. И нас реально связывает лишь этот маленький хулиган, который грозил мне кулачком.

Невольно улыбаюсь и хорошо, что Инна первой отводит взгляд и не видит этой моей улыбки.

— У сына отчество Игоревич, — начинаю я. — Это значит, что отцом записан...

— Игоревич в честь деда, моего отца, — перебивает меня Инна. Отходит к столу. — В графе «отец» — прочерк, Игорь. Хмурюсь и смотрю на неё исподлобья.

— Покажи мне документы сына, — прошу немного жёстко, но мне сложно сдержать пламя, которое разгорается сейчас в груди от обиды.

При живом отце у моего сына стоит прочерк!

Инна смотрит на меня несколько секунд, а потом выходит из кухни.

В ожидании её я осматриваю помещение. Интересно, её квартира или снимает? А есть у сына своя комната? А мужики, которые приходят к Инне, остаются здесь на ночь?

От последнего вопроса ярость вырывается наружу и я сам не понимаю как ударяю кулаком в стенку. Раздаётся глухой удар, а костяшки моментально становятся бордовыми.

Инна заходит в комнату и удивлённо смотрит на меня.

Хмурюсь, опуская взгляд на бумаги в её руке. Беру их и вчитываюсь.

Кравцов Олег Игоревич. Прочерк.

Хочется материться, но я держу себя в руках. Из последних сил, но держу.

— Я хочу, чтобы у сына была моя фамилия, — поднимаю взгляд на Инну. — И прочерк этот... — сжимаю губы.

И молча прячу бумажку в карман пиджака.

— Игорь, я ещё ничего не решила! — Инна бросается ко мне и хочет забрать документ. — Мы не договорились! Ты не можешь сам это решать!

Мне приходится взять её за запястья. Вскидывает на меня полный ярости взгляд. Между нашими лицами какие-то сантиметры.

— Хватит, Инна, — чуть усмехаюсь, пряча за этой усмешкой желание вообще сократить расстояние между нами.

Злюсь на себя за это.

— Ты уже решала всё одна. Без меня. Теперь я буду решать.

— Я не позволю тебе, — цедит, впиваясь в меня взглядом. — Не позволю!

И я сдаюсь. Дёргаю её за запястья на себя, глядя теперь сверху вниз и видя её растерянность от этой близости.

— Да? — ухмыляюсь, празднуя хоть и небольшую, но победу. — И что ты мне сделаешь?

Взгляд опять скользит на губы. Дыхание учащается. Да

что это, мать твою?!

Подаюсь вперёд.

— Пусти мою маму! Пусти! — слышу звонкий голосок.

Быстро перевожу взгляд за плечо Инны и вижу сына, бегущего к нам с какой-то палкой в руке.

Глава 22. Игорь

Отпускаю Инну и ступаю вперёд. Неужели ударит?

Мы смотрим с сыном в глаза друг другу и я в очередной раз убеждаюсь, насколько родным кажется этот суровый не по годам взгляд. Я словно в глаза отца своего смотрю!

Пока мы с сыном изучаем друг друга, Инна первая приходит в себя. Разворачивается и бежит к сыну. Быстро подхватывает его на руки и забирает палку.

— Олеж, ты что? Зачем? — смотрит в глаза сына.

— А чего он? — бурчит малыш, хмурясь и косясь на меня.

— Он опять обижает тебя? Зачем он пришёл?

— Не обижает. Он пришёл... Игорь...

— Он твой враг! — безапелляционно звучит родной голосок и словно ножом по сердцу.

И сразу кровоточащая рана в грудной клетке. Враг...

— Нет, Олеж, — мягко произносит Инна. — Игорь... он... ну, вот, вы с Даней же тоже иногда дерётесь? Спорите?

Малыш переводит взгляд с меня на маму и внимательно смотрит. Кладёт ладошки ей на плечи.

— Ну да, — кивает несмело. — Мы один раз целый день не разговаривали! А потом опять подружились!

— Ну вот, — улыбается Инна. — И мы иногда с Игорем... спорим...

— То есть он твой друг? — сын удивлённо смотрит на

маму.

Запутался окончательно.

— Друг, — я первым отвечаю, потому что Инна явно медлит с ответом.

А я не хочу быть врагом!

Но Олег всё ещё с недоверием смотрит на меня. Подмигиваю ему и он тут же отворачивается и прижимается к маминому плечу.

Тяжело выдыхаю. Будет нелегко. Но я не намерен сдаваться. И вспоминаю о пакете.

Быстро иду в коридор и беру его. Распаковываю находку и вынимаю большую красивую коробку. Возвращаюсь к Инне с сыном.

Олег тут же опять следит за мной. Вижу, как загораются огоньки любопытства в его глазах.

— Поможешь построить? — протягиваю ему коробку.

Хмурится и мотает головой. Опять утыкается лицом в плечо мамы.

Ну и характер! Настоящий Горский! И я испытываю одновременно и гордость, что у сына мой характер, но и обиду, что ли. Враг... да какой я враг?! Но силой тут не возьмёшь. Горских никто заставить не может. Он должен сам.

И я готов ждать.

— Может, мама тогда поможет? — вздыхаю наигранно тяжело.

Быстро осматриваюсь. Тут точно места мало. Иду в гости-

ную. Вот, тут лучше!

Скидываю пиджак на диван и закатываю рукава рубашки. И начинаю громко распаковывать коробку. Достаю детали, инструкцию.

Первой в комнате появляется Инна. Без Олега.

— Горский, ты что делаешь? — спрашивает она.

— Буду строить железную дорогу, — отвечаю спокойно и сажусь на пол. Открываю инструкцию.

Делаю вид, что не замечаю, но в душе ликую над маленькой победой, когда вижу, что из-за Инны выглядывает любопытная головка Олега.

Глава 23. Игорь

Чёрт. Оказывается, собирать детскую железную дорогу вообще нелегко! Особенно, когда никто не только не помогает, но и наблюдает словно так и ждёт, что у тебя не получится!

Но я упрямо складываю детали, закручиваю гайки.

Инна так и стоит в дверях. Сложив руки на груди, она смотрит на меня. Олег обнимает её за ноги, не отходит.

Это, пожалуй, самое строгое жюри.

Я не могу облажаться.

А ещё ужасно хочется собирать конструктор с сыном. Показывать ему, как надо, отвечать на вопросы. Откуда такая потребность?

Я же никогда не задумывался о детях. Мы и с Евангелиной это не обсуждали ещё.

Нет, наверное, когда-нибудь...

А тут! Тут уже взрослый пацан. С характером! Считающий меня врагом.

Чёрт.

Хмурюсь, пытаюсь понять, что делать с этим со всем. Конечно, я не намерен сдаваться. Надо как-то искать контакт с сыном. Да и с Инной.

Как?

Я не умею. Никогда ни под кого не подстраивался. А тут,

видимо, придётся...

Беру очередную деталь и заглядываю в инструкцию. Из кухни звонит Иннин телефон. Я напрягаюсь и поднимаю на неё взгляд.

Она мажет по мне равнодушным взглядом и уходит. Олег остаётся, не бежит за ней. Но на меня не смотрит. Наклонив голову и приоткрыв рот, разглядывает железную дорогу, которую я уже почти собрал.

— Чёрт, не получается, — решаю пойти на хитрость.

Чешу затылок, разглядывая в руке деталь от поезда.

Подойдёт?

Специально неправильно приставляю колёса к рампе игрушечного транспорта. И ещё раз с другой стороны.

— Это не так, — слышу тихий голос сына.

Поднимаю на него взгляд. Он хмуро смотрит на меня, но интерес перевешивает.

Оглянувшись назад, туда, куда ушла Инна, он нерешительно ступает ко мне.

— Дай, — протягивает ручку и я сразу же кладу в неё детали.

Олег быстро собирает поезд, прокручивает колёса и возвращает мне.

— Ловко ты! — улыбаюсь, глядя сыну в глаза.

— У моего друга такой есть, — сопит малыш. — Как же ты всё это понесёшь? — оглядывает дорогу. — Она же в машину твою не поместится...

— А я не понесу её никуда, — улыбаюсь. — Она здесь останется.

Сын почему-то усмехается недоверчиво. Щурится и снисходительно смотрит на меня.

— А ты маму спросил? Она не разрешает игрушки разбрасывать!

— Ну, думаю, мы решим это с мамой, — хмыкаю я. — А тебе нравится? Будешь играть?

Олег вдруг опять хмурится. Грозно смотрит на меня.

— Ты опять маму мою обижать будешь? Убирай игрушки! И уходи!

Та слабая надежда, которая, вроде как, появилась и даже чуть вспыхнула в груди, моментально гаснет, когда меня обдаёт вот этот ледяной ответ сына.

Злюсь, но стараюсь не показывать злость.

— Я не обижаю маму, — отвечаю уверенно, вставая и расправляя рукава рубашки.

— Да? А почему тогда она плачет? — сын наблюдает за мной исподлобья. — Из-за тебя! Я не дам маму в обиду!

— Плачет? — с прищуром вглядываюсь в сына.

— Да! Из-за тебя! Я знаю!

— Хм.

Если ей так всё равно на меня, как она хочет, показать, почему тогда плачет? Перед глазами моментально всплывает та ночь. Это вообще не было похоже на безразличие.

— Хорошо, Алексей Фёдорович, я всё поняла. Спасибо за

беспокойство, — звучит из кухни голос Инны.

Опять этот чёртов доктор?!

Да что ему надо?

Голова сама поворачивается в ту сторону и слух напрягается. Я вслушиваюсь в чужой разговор. Дожил...

— Да я, я помню. Обязательно приедем, — как-то даже нежно отвечает Инна.

Да чёрт побрал этого доктора! Чувствую, не просто так он тут ошивается!

А потом и смех Инны слышу. Тихий такой, но такой знакомый смех. Когда я его в последний раз слышал-то?!

— Ты правда мамин друг? — отвлекаюсь лишь тогда, когда чувствую, как меня за пиджак дёргают.

Опускаю взгляд и встречаюсь со строгим взглядом Олега.

— Друг, — киваю без сомнений. — Ты не представляешь, какие мы с ней друзья!

— Тогда перестань обижать её! — и легонько бьёт меня в ладонь. — Разве друг должен плакать? — непонимающе моргает. — Зачем ты это делаешь?

Такой простой и прямой вопрос... и я не знаю на него ответа...

— Не знаю, — отвечаю как есть и пожимаю плечами.

— Большой, а глупый, — бурчит тихо под нос Олег.

Тут вновь появляется Инна. С тревогой смотрит на нас с сыном, стоящих друг напротив друга.

— Я пойду, — говорю я, хмурясь и отводя взгляд. —

Инна, на работу выйдешь, как сможешь. Не торопись. И... не надо больничного... — добавляю, вспоминая о чёртовом докторе.

Потом сажусь на корточки перед сыном. Протягиваю ему руку. Ну? Ответит?

— А ты выздоравливай давай! — подмигиваю ему. — А то кто маму защищать будет? А я обещаю больше так не делать. Договорились?

Олег держит руки за спиной. Сопит громко. Смотрит то на мою руку, то поднимает взгляд на маму.

Я прямо чувствую, как мечется он в своих желаниях в душе. Нелегко ему. А ведь будет ещё сложнее! Но теперь есть я! У него теперь не только мама есть!

— Я подумаю, — бурчит тихо.

Но руку так не подаёт.

Упрямый, а! Просто слов нет!

Не настаиваю. И то считаю маленькой, но победой.

Трудно будет. Но я всё равно добыюсь. Должен.

— Пока, — говорю, вставая и киваю Инне, не глядя в глаза.

У меня в груди такой сумбур из мыслей и ощущений, что мне просто необходимо всё обдумать и хоть как-то систематизировать полученную информацию.

А ещё предстоит нелёгкий разговор с родителями и... Евангелиной...

Вообще забыл про неё! А вот и она — как чувствует. Зво-

НИТ.

Глава 24. Игорь

— Игорь! Я даже не знала, что ты уже вернулся! Почему ты ко мне вчера не заехал?! И сегодня... ты где?

Голос Евангелины выдаёт её недовольство и раздражение. Наверное, её можно понять. Но сейчас мне вообще не до обид и упрёков.

— Евангелина, послушай, — спокойно отвечаю я, садясь в машину и ещё раз глядя на окна квартиры, где живёт мой сын, — мне надо с тобой поговорить. Я сейчас приеду. Ты дома?

— Дома, конечно! А что случилось? Меня пугает твой тон, Игорёша! Всё же хорошо? Скажи мне! А то я буду думать! Всё хорошо у нас?

— Всё в порядке. Дождись меня просто, — устало выдыхаю я и завожу мотор.

Прощаюсь с Евангелиной и трогаюсь с места.

Путь получается сложным. Нет, пробок нет. На дороге спокойно. В отличие от моей головы.

Вот там такие заторы из мыслей, что мне кажется, что я даже чувствую боль в висках.

Что-то поменялось за это утро. Что-то! Да всё поменялось!

Несмотря на поведение Олега, я чувствую, что постепенно он меняет своё отношение ко мне. И я всё сделаю, чтобы он

принял меня!

А Инна?

А что Инна?

Хмурюсь и крепче вцепляюсь в руль. При чём тут она? Какая разница, как она ко мне относиться будет?

У нас с ней всё выяснено. Да, выяснено!

Убеждаю сам себя.

Та ночь ничего не значит. Ни для меня, ни для неё. Это мы тоже выяснили. У неё есть этот доктор.

Доктор! Матерюсь мысленно.

Какого вообще?!

Через сына к ней подкатывает?!

Не замечаю, как накручиваю себя. Злость моментально вспыхивает в груди, сжигая все положительные эмоции, которые были вначале.

И, вот, в таком не самом лучшем настроении я приезжаю к невесте. А ведь мне предстоит нелёгкий разговор. Но, может, так и лучше?

Евангелина встречает меня в откровенной сорочке и сразу бросается на шею.

— Игорёша! Ну, почему ты не приехал вчера? Я так соскучилась! А ты? Скучал? — и она, пошло облизывая губы, ведёт руки вниз по моей груди.

— погоди, Евангелина, — хмурюсь я и убираю её руки с себя. Тру пальцами переносицу.

Злость не проходит. Но теперь к ней добавляется раздра-

жение.

Почему Евангелина всегда всё сводит к постели?! Мне ведь даже поговорить с ней не о чем!

А разве меня это когда-то беспокоило?! Мне же это и нравилось в ней! Почему тогда сейчас я раздражён?

Это неправильно. Она же ни в чём не виновата.

Глубокий вдох и медленный выдох.

Я прохожу в комнату и вижу, как Евангелина следует за мной. Плюхаюсь на диван и откидываю назад голову, прикрывая глаза.

— Проблемы на работе, да? — голос Евангелины снова звучит ласково и я опять чувствую её руки на своём теле.

Открываю глаза и встречаюсь с ней взглядом. Уже сидит с готовностью на полу передо мной.

— У меня есть сын, — произношу на выдохе.

Чего ходить вокруг да около? И скрывать от неё не хочу. Пусть сразу знает.

Евангелина замирает на мгновение. Упирается ладонями в мои колени и вздёргивает брови.

— Что? — наконец, произносит после почти минутной паузы. — Что ты сказал? Мне, наверное, послышалось?

Вглядывается в меня внимательно и, похоже, до неё доходит, что не послышалось и что я не шучу. И всё равно с надеждой спрашивает:

— Мне послышалось, что ты сказал, что у тебя есть ребёнок... Послышалось ведь? Игорь? Скажи, что послышалось!

Громко выдыхаю, не убирая взгляда.

— Нет, Евангелина, не послышалось. У меня есть сын. Ему почти пять лет. Зовут Олег. Олег Игоревич... — добавляю с какой-то жестокой по отношению к Евангелине гордостью. И тут же осекаюсь, не желая произносить нынешнюю фамилию сына. Потому что он Горский! Не Кравцов, а Горский!

Да ведь и «Игоревич» он не потому что я Игорь! А потому что отца Инны тоже зовут Игорь! И она напомнила мне об этом... Специально уколола, отчуждая от меня сына.

Но нет, Инна. Теперь всё будет иначе. Теперь...

— Игорь... — голос Евангелина, дрожащий от приближающихся слёз и истерики, выводит меня из размышлений. — Это шутка какая-то, да? Как... почему... ты же не говорил, что у тебя есть сын... как же...

— Я сам не знал, Евангелина, — вздыхаю. — Поверь, я сам в шоке. До сих пор. Я сам узнал... вчера...

Вчера... это же и правда случилось вчера, а такое ощущение, что прошла целая вечность!

— Кто она?! — Евангелина ожидаемо переходит на визг.

Вскакивает с коленок и упирается руками в бока. Грозно смотрит на меня. Но это вообще не трогает. Даже усмешку не вызывает.

— Кто, Игорь?! Это твоя секретарша, да?! Она?! погоди! — хмурится и вижу тяжёлый мыслительный процесс на лице Евангелины. — Пять лет! Ты сказал, что твоему ребёнку

пять лет?! Пять! То есть... Кто она?! Я хочу знать!

— Еванелина, успокойся. Это сын от моей первой жены. Бывшей, — снова выдыхаю. Нет, не от тяжести признания перед невестой, а от того, что снова проживаю это всё.

Инна... наш сын... взгляд этот... желание поцеловать её...

Чёрт. Стоп. Не туда несёт.

Хмурюсь и встаю. Отхожу к окну и плююсь на улицу. Словно боюсь, что Евангелина сейчас всё поймёт...

Бред!

— Бред! — звучит как эхом голос моей невесты. — И ты поверил?! Без теста ДНК поверил?! Игорь! Ты же адвокат! Как ты можешь быть таким наивным! Что она хочет?! Денег, да?! Алименты?!

— Замолчи, — цежу пока тихо, пытаюсь затушить пламя негодования в груди.

— Конечно! — Евангелину уже не остановить. Её несёт. Наверное, её можно понять. Наверное... — Неужели ты думаешь, что она молчала бы все эти годы, будь это твой ребёнок?! Просто ей деньги нужны! А ты и поверил! Игорь! Я в шоке! Как ты можешь?! Накануне нашей свадьбы! Что теперь делать?!

— Для начала — успокоиться, — поворачиваюсь к ней и чувствую лёд в собственном взгляде. Защитная реакция. — Я решу это. Тебя это не касается. Я просто хотел, чтобы ты знала...

— «Не касается»?! — кричит Евангелина. — Ты себя слы-

шишь, Игорь?! Ты ставишь между нами какого-то...

— Заткнись! —уже жёстче произношу я. — Лучше заткнись, Евангелина! Чтобы не пожалеть! Олег мой сын и тебе придётся с этим считаться! Он будет в моей жизни! А ты... если... у тебя всегда есть выбор! Я не могу заставлять тебя! Думай, Евангелина!

Резкий короткий взгляд и я быстрым шагом иду на выход.

Она не останавливает меня. Не бежит за мной. Может, так и лучше?

Она не обязана любить моего сына. Но и ненавидеть его я не позволю.

Накрученный ещё больше я приезжаю в офис. Может, хоть тут отвлекусь на рабочие вопросы. Потом подумаю, что делать дальше. Сейчас надо просто остыть. Переключиться.

Но куда там.

Захожу в приёмную, ослабляя галстук и расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки, и так и замираю, встречаясь с хмурым взглядом собственного отца.

Глава 25. Игорь

— Не дождался тебя, — хмуро произносит отец, протягивая мне руку. — Сам приехал.

Отвечаю рукопожатием и прохожу к столу. Устало плюхаюсь на кресло и пальцами сжимаю переносицу.

— Я бы сегодня заехал вечером, — отвечаю отцу.

— Что такое, сын? Устал? — он садится напротив и смотрит на меня с ухмылкой. — Вроде, только день начался...

Смотрю ему в глаза. Такое ощущение, что он о чём-то догадывается. Да откуда? Мне уже кажется.

— Я с утра у Инны был.

Говорю об этом и жду реакцию отца. Внимательно слежу за ним. Мне до сих пор кажется, что он не понял моего решения о разводе. Они с мамой всегда хорошо относились к Инне. Даже удивительно...

Но в ответ на мои слова отец лишь чуть улыбается и едва дёргает бровью. И не произносит ни слова. Будто ждёт, что же будет дальше.

И что это значит?

Такое поведение отца только усугубляет моё и без того фиговое состояние.

— Всё с ног на голову! — произношу на эмоциях. — И что с этим делать, чтобы всё окончательно не сломать...

— «Что делать», «что делать»! — ворчит отец, неожидан-

но перебивая меня. — Сына-то хоть видел?! Или опять старыми обидами только обменялись?

Его слова заставляют меня округлить глаза. Он что, знает?!

— Ну, что смотришь? — ворчит недовольно отец. — Когда внука покажите вживую? Только на фотке видел! Мать всю ночь рыдала! — машет рукой в отчаянии.

— Откуда... Откуда ты знаешь? — шепчу я. — Давно? А мне не сказал?

Обида. Теперь на отца.

— Остынь, — хмыкает отец. — Узнал бы раньше — другой разговор был бы! — звучит уже резче.

Стискиваю зубы.

— Видел? — спрашивает мягче отец.

Киваю, отворачиваясь к окну.

— Что делать планируешь?

Тишина.

У меня нет чёткого плана. Знаю лишь, что сын должен знать, что у него есть отец. И я хочу быть в жизни сына. Участвовать хочу. Обсуждать с Инной хочу всё, что касается нашего сына.

Что ещё?

Да много чего!

Но сначала... Достаяю из кармана документ, о котором уже и забыл. Свидетельство о рождении.

— Вот, — кладу на стол и сам смотрю. — Буду менять.

Хочу, чтобы у сына моя фамилия была.

— Это, конечно, хорошо, — с усмешкой произносит отец.

Выражение лица его моментально становится расслабленным. Он как будто услышал то, чего ждал. Неужели думал, что будет иначе?

— Но это что? Пф! Бумажка! — произносит с усмешкой.

— Как собираешься с Инной выстраивать отношения?

— С Инной? — выгибаю бровь. — Она тут при чём? Мне о сыне думать надо. А Инна...

— Вот, смотрю на тебя, — отец расслабленно откидывается на спинку кресла. — Вроде, взрослый мужик. Умный. А рассуждаешь сейчас как ребёнок! Она мать твоего сына! — хмурится. — Ты представляешь, как она к тебе относится, что даже не намекнула за все эти годы? Даже не попросила ни о чём! А ведь наверняка ей было нелегко! Но она предпочла не говорить тебе! Ты об этом не задумывался?! Игорь?!

Отворачиваюсь, стискивая зубы. Я сам сотни раз задавал себе этот вопрос за эту ночь! И не находил ответа! Нет, он, конечно, есть! Но...

Не хочу. Я сам себе ответить не хочу. А тут ещё отец!

Поэтому зыркаю на него злым взглядом:

— За это она ответит. Она скрыла от меня сына. И за это нет ни объяснения, ни прощения, — цежу сквозь зубы.

Отец в ответ лишь тяжело вздыхает. Качает головой.

— Ясно, — тихо говорит. — Вы оба хороши. А страдает в итоге ребёнок. Но пока вы не решите всё между собой... —

и опять вздох. — В общем, это ваши дела, но внуку причинять боль не позволю! — и ударяет кулаком о подлокотник кресла.

Смотрим друг другу в глаза, испепеляя. Точно так же на меня и сын смотрит...

Сжимаю губы от обиды и злости.

— Ладно, Игорь, — первым произносит отец. — Вижу, что пока не о чем нам с тобой говорить. Тебе и правда остыть надо. Я пришёл сказать, что мать хочет внука увидеть. Как и я. Сам лезть к Инне не буду. Видел, как она реагирует. Не хочу, чтобы думала, что... — осекается. — В общем, надеюсь, что ты скоро познакомишь нас с внуком. С согласия Инны, разумеется, — добавляет строго.

Встаёт под моё молчание и идёт к двери. Но останавливается, когда берётся за ручку. Оборачивается.

Смотрит мне в глаза уже по-отечески. Нет той жёсткости и злости во взгляде.

— Игорь, не натвори опять дел, — просит он. — Подумай, прежде чем что-то сделать. Попробуй отключить чувства... особенно чувство обиды. Просто подумай о сыне. Не о себе, не об Инне. О сыне.

Ничего не отвечаю, но уверен, что он по моему взгляду видит, что я его понял. Короткий взмах рукой и он уходит.

Глава 26. Игорь

Разговор с отцом окончательно выбил меня из колеи.

Почему все делают виноватым меня?! Почему даже отец не считает, что Инна поступила неправильно, скрыв от меня сына?! Даже в этом, по его мнению, виноват я!

Все забыли, как она поступила со мной пять лет назад? А, вот, я помню! Я не забыл. Как ни пытался.

Наверное, потому что слишком сильно любил её...

Любил...

Горечь от прошедшего времени усиливает ещё больше обиду. И это не только неприятно, но и необъяснимо.

Я все эти годы старался не думать о ней. Я похоронил все воспоминания так глубоко, что в груди вырос айсберг из моего равнодушия и отстранённости. Меня ничто не могло вывести из себя. И никто. И это дало мне возможность стать профессионалом. Потому что, когда эмоции отключены, так легче. Так...

Невозможно!

Я сейчас понимаю, что невозможно не реагировать на бывшую. Особенно теперь, зная о сыне...

В груди такой круговорот. Айсберг тает от пламени, разгорающемся с каждой новой встречей с Инной.

Это ненависть? Обида? Раздражение? Злость?

Но почему тогда я не испытываю негатива? Почему мне не

плохо от этого? Наоборот, я хочу снова и снова испытать это.

Это ненормально...

— Можно? — короткий стук в дверь и в кабинет заглядывает мой давний знакомый и клиент Игнат, которого я не видел примерно столько же, сколько и Инну...

Увидев меня, уверенно заходит.

Я встаю и иду ему навстречу. Протягиваю руку. Крепко пожимаем, здороваясь. И даже приобнимаемся, хлопая друг друга по плечу.

— Игнат? Ты? Вот это встреча! Ты как тут? Вообще... не ожидал... — признаюсь я, так и держа друга за руку и разглядывая.

Он тоже часть событий прошлого... нашего с Инной прошлого...

— А я думаю, здесь ты или куда выше пошёл? Уже и не надеялся! — улыбается всё так же сурово Игнат.

— Садись, — провожаю его к креслу и сам сажусь напротив. — Вот это встреча! Призраки прошлого все возвращаются! — хмыкаю.

Игнат непонимающе хмурится.

— Да это я о своём! — машу чуть рукой. — Ты давно вернулся? Как вообще? По делам или?...

— Или, — коротко бросает он. — Ну, и бизнес тут у меня теперь будет.

— Вот как?

— Да, — кивает он. — Как ты? Смотрю, вырос до таких

высот, — оглядывает кабинет. — Как жена? Ребёнок?

Хмурюсь, опуская взгляд в пол. Когда мы в последний раз виделись с Игнатом, то я был ещё женат, да. Но сын?! Быстро скидываю на него взгляд.

— Откуда ты про ребёнка знаешь? — строго смотрю на него.

— Ну, вроде как, Инна беременна же была? Нет? Или...

— Откуда ты знал?

— Так... я её встретил в твоей приёмной... ну, тогда... она такая радостная была... а в руках — бумажка эта... — он чуть хмурится и словно задумывается. Но через секунду снова смотрит на меня с любопытством. — погоди, что-то случилось?! С ребёнком?! Игорь? Инна как?

— Да нормально всё с Инной! — срываюсь я. — И с сыном всё нормально.

Произношу это, а у самого мысли скачут.

Инна.

Приёмная.

Бумажка... тест, что ли?

Когда это было? Почему она не показала? Или это было тогда, когда...

Со всей силы ударяю кулаком о подлокотник кресла. Но не хочу Игнату показывать всю свою боль. Я сам с ней справлюсь.

Сам.

— Мы развелись с Инной, — говорю сухо, выпрямляясь

и снова надевая маску равнодушия. — Это всё в прошлом. Сейчас у меня есть сын и только это имеет значение.

— Развелись? Хм. Ну, не знаю, поздравлять или сочувствовать. В любом случае, вам, конечно, виднее, — произносит Игнат. — А ведь я по делу...

Внимательно смотрю на него.

— Мне одно дело предлагают тут, Игорь... Наш старый знакомый... Эдуард. Помнишь такого?

Не подаю вида, что у самого всё вспыхивает в груди от этого имени. «Помнишь?» И хотел бы забыть, да не получается. Слишком заметно наследил этот урод в моей жизни.

— Я хотел бы, чтобы ты помог мне на сделке. Ну и документы глянул, — добавляет Игнат. — Вроде, всё чисто там, но, знаешь... какое-то ощущение не оставляет. Предчувствие, что ли... В общем мне спокойнее будет, если ты глянешь.

— Хорошо, Игнат, — отвечаю я. — Я попрошу своих посмотреть, что там. Есть у меня один спец по таким делам...

— Нет, Игорь, — мотает головой Игнат, нахмурившись. — Я хотел бы, чтобы ты... лично. Мне так спокойнее будет.

Я всегда старался не смешивать личное с рабочим. Вот и здесь не вижу оснований отказать приятелю. Эдуард в прошлом.

Поэтому мы с Игнатом жмём руки, подтверждая сделку.

Игнат уходит. Время уже обед и я еду к Дмитрию. Мы с ним договаривались кое-что обсудить в ресторане.

Он уже на месте. Я тоже делаю заказ.

— Как Инна? — звучит неожиданно вопрос друга.

Хмуро смотрю на него исподлобья.

— Почему ты всё время о ней спрашиваешь?!

— Ну, вы теперь снова вместе... работаете, я имею в виду,

— улыбается Дима. — Может...

— Не может! — осекаю его сразу. — Как Инна, ты спрашиваешь? Моя бывшая скрыла от меня ребёнка! Я пять лет не знал, что у меня, оказывается, есть сын! И она так и не сказала бы! Уволилась бы и не сказала мне! Я случайно узнал! Как Инна?! Инна как была обманщицей, так ей и осталась!

Я произношу это всё на эмоциях. Слишком громко для ресторана, поэтому некоторые посетители с интересом оборачиваются и смотрят на нас.

Плевать.

Отбрасываю вгорячах салфетку.

Опять всё вскипает. Опять мой айсберг тает со стремительной скоростью.

— Фух! — неожиданно выдыхает облегчённо Дима. — Ну, значит, ты уже знаешь! Прямо гора с плеч!

Круглыми глазами таращусь на него.

— В смысле? Ты о чём? Ты что?! Тоже знал?! — стискиваю зубы.

— Воу-воу! Спокойнее! Я не узнаю своего друга хладнокровного Горского! — ржёт Дима. — Ты прямо горишь!

— Дим, — цежу сквозь зубы. — Просто скажи. Ты знал?!

— Догадывался, — уже серьёзно отвечает друг. — Встретил Инну с пацаном в саду, когда Даню отводил. Собирался тебе, вот, рассказать сегодня. Но ты уже узнал. Так даже лучше. Не хочу мешать вам с Инной...

— Нет «нас с Инной», — цежу я, уткнувшись в тарелку. — Ясно? Есть моя бывшая и мой сын, которого она скрыла.

— Да ты не горячись, — спокойно произносит Дима. — Ты узнал, почему она скрывала?

— Какая нафиг разница?! — снова взрываюсь. — Ты вообще понимаешь, что она от меня ребёнка скрыла!

— Ты мне будешь рассказывать об этом, — снисходительно усмехается Дима.

Сдвигаю брови и отворачиваюсь.

— Это другое, — бурчу себе под нос. — У Аси были причины это сделать. У Инны — нет!

— Ну, откуда ты знаешь? Вообще, я тебе так скажу: злость и обида — не самые лучшие советчики тут. Инне тоже нелегко сейчас. Представляю, что она чувствует.

— Дим, — грозно смотрю на него. — Меня и так злит, что все всё знали раньше меня! Ты ещё тут! А я что чувствую?! Это хоть кого-то волнует?! Мне каково?!

— Я тебя понимаю как никто другой... — вздыхает друг. — Но злостью и обидой ты ничего не добьёшься. У тебя сын есть! Понимаешь? Сын! Это же... блин! Это такое счастье!

— Ну да. Только Олег видеть меня не хочет. Считает врагом и самым злым человеком, — с грустью усмехаюсь я.

— Хм. Надо искать пути сближения.

— Надо. Но как? Я с детьми не очень... ты знаешь.

— С Инной начни для начала общаться, — пожимает плечами Дима. — Не пыхти. Дело говорю. Слушай... хм... у Дани же день рождения в эту субботу...

— Поздравляю! — чуть улыбаюсь.

— Спасибо, — Дима тоже улыбается. — Растёт сын! Мужик! Да, так вот... ну, Олег же лучший друг Дани и тоже придёт, — выгибает бровь.

— И?

— Тоже приходи! «И»! Приходи.

— Хм.

— Хорошо сомневаться! Я ещё Асю попрошу сделать так, чтобы Инна осталась!

— Да зачем это? — хмурюсь тут же.

— За тем, — строго произносит Дима. — Слушай меня. У меня-то опыта в этом вопросе побольше!

То же мне! Опыта у него больше! Асю не сравнить с Инной! Да и Даня его сразу принял! А Олег...

— Ладно, понял. Подумаю, — отвечаю неопределённо.

— Хорошо думать! Действовать пора! — смеётся Дима. — Ждём тебя в субботу и всё.

Глава 27. Инна

— Мам, что мы теперь с этой дорогой делать будем? — Олежка деловито показывает на железную дорогу на полу гостиной и складывает руки на груди. — Этот Игорь! Игрушки за собой не убирает! — хмурится.

Выглядит это так забавно, что я невольно улыбаюсь.

— А тебе нравится? — тяну к себе сына и обнимаю. Целую в тёплую щёчку.

Олежка отвечает не сразу. Смотрит на дорогу, потом косится на меня.

— Честно-честно? — спрашивает тихо.

— Конечно! Мы же договорились с тобой только правду говорить, да? Помнишь?

Кивает.

— Нравится, мам, — обнимает меня и шепчет на ухо. — Я давно такую хотел! Там паровозик сам ездит!

Улыбаюсь, глядя его по спине.

— Мам, можно мы оставим дорогу? — просит сын. — Ты не обидишься?

— Нет, сынок, не обижусь, — отвечаю мягко. — Если тебе нравится, давай оставим. Игорь же тебе её принёс.

— А зачем? — сын вмиг отстраняется и смотрит мне в глаза.

Так смотрит, что сердце замирает.

Рассказать? Я вообще не готова к этому! А Олежка?! Конечно, он не готов!

— Мам! — дёргает меня за рукав сын, вырывая из круговорота мыслей. — Почему Игорь мне подарил поезд? А? почему?

— Потому что... потому что он хочет подружиться с тобой, — улыбаюсь, скрывая своё волнение. — Просто он понял, что ты мой главный защитник! И теперь хочет подружиться с тобой. Чтобы со мной тоже дружить.

Получается как-то сумбурно, но Олежке, похоже, этого достаточно. Он радостно кивает и вырывается из моих рук. Тут же оказывается на полу рядом с железной дорогой.

Я тяжело выдыхаю.

Вообще не представляю, как сказать ему. Наблюдаю за тем, как Олежка ловко играет с игрушкой Игоря. Он так увлечён, что забыл про болезнь. Да и температура спала.

Значит завтра можно в сад? А мне? Опять в офис?

Вечером ко мне заезжает моя подруга, с которой мы вместе работаем, Лена с дочкой Олесей.

— Ну, как ты тут? — спрашивает Лена, заходя в квартиру. — Ого! Ничего себе у тебя дорога, Олеж! — произносит восхищённо. — Покажешь Олесе?

Олег оборачивается и строго смотрит на гостей.

— Только пусть ничего не трогает без моего разрешения! — косится на маленькую девочку с двумя хвостиками.

— Олеж, — подхожу к сыну и серьёзно смотрю на него.

— Она гостья. Нельзя так.

— А вдруг она сломает? — хмурится он.

— Не ломаю! — вдруг произносит Олеся звонким голоском. — Это мальчишки только всё ломают!

Мда. Олеся не собирается уступать Олегу и он тоже в шоке от такого положения вещей. Раскрывает рот и изумлённо смотрит на неё.

— Олеж, ты хозяин, а Олеся гостья. Будь джентльменом. Договорились? — глажу сына по волосам и с улыбкой смотрю на Олесю, которая, подперев руки в бока, тоже хмурится.

— Я девчонок не бью. Ты знаешь, — сопит сын. — Но если она сломает что-то...

Пыхтит и вдруг показывает Олесе кулачок.

— Инн, оставь их! Они сами там разберутся! Не в первый же раз! Сейчас сами договорятся! — зовёт меня из кухни Лена. — Иди сюда!

Ещё раз прошу сына не ссориться с гостьей и иду к подруге.

— Чего ты? — подмигивает она. — Олеська себя в обиду не даст! Да и Олежка не драчун же. Грозный, конечно, но внутри такой ранимый! Прямо как папка! — смеётся Лена.

Вздыхаю.

— Что случилось? — Лена сразу становится серьёзной.

— Игорь... приходил сегодня.

— Сюда? К вам? Да ладно! И как? Опять зубами скрежетал?

— Дорогу, вон, собирал, — хмыкаю. — Подарок Олежке принёс.

— Ого! Горский с козырей заходит. Ну-ну. А что Олег? Опять тяжело вздыхаю.

— Грозит ему, как, вон, Олесе.

— Мужик! Так его! — смеётся Лена.

Потом резко осекается. Молчим с ней.

— Вообще, ты же понимаешь, что Горский не отстанет? — первой прерывает тишину подруга. — Ты как, вообще? Сама? — робко заглядывает мне в глаза.

— О чём ты? — хмурюсь и делаю вид, что достаю чашки из шкафа, чтобы отвести взгляд. — Да, он отец Олежки, но это ничего не значит... ну, в смысле, для нас с ним... Всё в прошлом.

Не смотрю в глаза подруги, потому что знаю, что она всё поймёт. А я не хочу. Не хочу, чтобы она поняла! И верить не хочу, что это правда.

В этот момент из комнаты доносится весёлый гомон — дети явно затеяли какую-то игру. И в их беззаботном смехе есть что-то такое, что заставляет меня улыбнуться.

— Пойдём к ним? — предлагаю я, ища повод сменить тему разговора.

— Пойдём, — кивает подруга. — Что они там задумали?

Глава 28. Инна

Идти в офис к Горскому не хочется. Но Олежка утром встал такой резвый и активный, что дома его оставлять точно не надо. К тому же мне нехочется, чтобы Горский думал, что я прячусь от него.

За эту ночь я многое передумала. В голове, вроде как, намечился более-менее порядок.

Да, Горский — отец Олежки. Значит мне придётся мириться с тем, что он будет в его жизни.

Всё-таки, сыну нужен отец и Горский, хоть и гад, но не самый плохой вариант. Всё равно я буду контролировать, как он там будет с Олежкой.

Господи, ещё ведь как-то сказать надо ему... Как?!

Может, обсудить это с Горским? Он что вообще думает? Вижу, что не торопится рассказать сыну. Сначала в друзья набивается. Может, и правильно это.

Сколько же мне проблем он опять доставил, а! Что за человек!

— Мам! Если Игорь тебя обижать опять будет, напомни ему про мой кулак! — и Олежка, грозно нахмурившись, показывает мне свой кулачок. — Он поймёт!

— Ладно! — киваю с улыбкой и целую его перед тем, как уйти из сада.

Сын убегает, маша мне рукой.

Фух. Теперь — в офис.

Сколько там мне осталось ещё работать у Горского? А что потом?

Отгоняю ненужные мысли. Лучше не накручивать себя. Разберусь. Пять лет без него сама прожила. Что сейчас-то поменялось?

Всё хорошо будет.

Захожу в приёмную и сразу смотрю на дверь в кабинет Горского, она приоткрыта. Значит, уже тут. Выдыхаю разочарованно.

Иду к столу и слышу, что Горский с кем-то по телефону разговаривает. Я не собираюсь подслушивать, но... дверь не закрыта. Горский говорит своим обычным голосом. Поэтому до меня доносятся обрывки фраз.

— Нет, сегодня не получится... да, к нему... хватит, Евангелина!... нет, не к ней, а к сыну! Я же сказал тебе!...

Кажется, я слышу его громкий вздох.

— Нет, тебе нельзя... рано... да, потом... Евангелина...
— потом тишина, по-видимому, Горский слушает, что там ему вещает его невеста.

Долго слушает. Иногда кряхтит недовольно, вздыхает. Потом снова его голос:

— Я так решил. Ты либо принимаешь моё решение, либо... Евангелина... хватит... всё, мне пора. Да, встреча. Да, по работе. Нет. Нет, я сказал! — звучит уже жёстче. — Я не сделаю этого! Потому что... — и дальше, кажется, мат.

Замираю и только взглядом слежу за дверью.

— Потому что она мать моего ребёнка! Так понятно?!

Так. Значит, обсуждают меня.

— Всё, Евангелина! Мне пора на встречу. Да, вечером я позвоню. Всё.

И потом воцаряется гробовая тишина. Я даже пошевелиться боюсь, чтобы не прервать её. Она так отчётливо ощущается. И в этой тишине я прямо слышу дыхание Горского. Чувствую его гнев и злость.

Сейчас на мне сорвётся. Даже не сомневаюсь.

Я тихо прохожу к столу и сажусь. Но случайно задеваю какую-то папку и она падает на пол.

Чёрт.

Тут же слышу шорох из кабинета Горского. И через секунду появляется и он сам.

Встаёт в дверях, засунув руки в карманы брюк, и смотрит на меня исподлобья. Смотрит и молчит.

— Извини, я опоздала, — прерываю молчание. — Я останусь после работы и отработаю.

— Как Олег? — хмуро спрашивает Горский. — С кем ты его оставила?

— Олег в садике. Он выздоровел. Алексей Фёдорович сказал, что...

Горский заметно морщится, как будто что-то кислое съел.

— Ты ему так доверяешь? Этому Алексею Фёдоровичу? — цедит недовольно. — Мне кажется, надо показать Олега

другому специалисту. У меня есть хороший друг с клиникой.

— Игорь, я понимаю, что ты переживаешь о сыне, — стараюсь говорить спокойно. — Но поверь мне, там ничего страшного. Просто Олежка переволновался. Думаю, не он один, — усмехаюсь про себя. — Всё в порядке. Олежка в садике. Я на работе.

И зачем-то перевожу взгляд на стену, на мой календарь с зачёркнутыми днями. Горский тоже поворачивается и смотрит на него. Хмурится ещё больше.

— Зайди ко мне, — кивает быстро и скрывается в своём кабинете.

Тяжело вздыхаю и следую за ним.

Горский проходит и садится в кресло. Рукой показывает мне на стул напротив. Наблюдает, как я сажусь. И опять долго смотрит.

Начинает раздражать. Вот эта его манера — выжигать собеседника взглядом...

Я чувствую себя неудобно. Сажусь прямо, натягиваясь как струна. О сыне будет говорить? Что именно? Интересно, документы уже переделал?

— Я принял решение, Инна, — начинает медленно Горский. — Посмотрел твои дела, поговорил с твоим бывшим боссом...

Так.

— Я принял решение перевести тебя на место руководителя департамента судебной работы, — невозмутимо произ-

носит Горский. — Думаю, ты справишься.

У меня от изумления чуть рот не открывается. Но я держу себя в руках. В смысле?! Это что сейчас?

— Твоё заявление об увольнении мы аннулируем, — продолжает он. — Я уже дал необходимые указания. Надеюсь, ты не возражаешь?

И, выгнув бровь, смотрит на меня. Что в его взгляде? Насмешка? Уверенность, что всё будет по его? Что?

— Мне надо подумать, — отвечаю спокойно. — Это... это немного неожиданно...

— Неожиданно? — перебивает он. — Разве ты не планировала занять это место? До моего появления?

— Вот именно, Игорь, — отвечаю прямо. — Это было до твоего появления...

— И что это меняет? Инна, не совершай глупые поступки. Ты же умная.

— Боже, неужели я слышу это от тебя! — не могу сдержать сарказма. — Помнится, несколько лет назад ты был другого мнения о моих умственных способностях, — усмехаюсь.

Вижу, что это злит Горского. Он сжимает плотно губы. Но молчит.

Пытается испепелить меня взглядом.

Не выдерживаю. Мне душно в этой комнате с ним. Давит что-то.

Встаю и прямо смотрю на него:

— Я подумаю, Игорь Витальевич. Обязательно подумаю над вашим предложением. Заявление моё пока не аннулируйте.

И разворачиваюсь и уверенной походкой иду на выход.

Глава 29. Инна

Горский снова появляется в приёмной через час. Хмуро косится на меня и бросает небрежно:

— Я на встречу. В офисе больше не будет меня сегодня. Вечером заеду к Олегу.

Вот так бесцеремонно он врывается в мою жизнь. Ставит условия.

Назло ему хочется что-нибудь придумать! Сказать, что нас дома не будет! Да, в конце концов, у меня может быть личная жизнь?!

Но потом я понимаю, что не права. Он же приедет к сыну. Я не могу лишать его этого. Теперь не могу...

Поэтому просто киваю.

После обеда мне звонит доктор Петров.

— Инна, вы помните, что у нас сегодня приём? — напоминает мягко. — Как Олег?

— Ой, вы знаете, Олег в садик пошёл сегодня! Всё хорошо! Спасибо вам за беспокойство и за помощь!

— Отлично! Я так и думал, что ничего страшного. Но осмотреть его надо. Заезжайте после сада.

— А не поздно будет? — мне чертовски неудобно перед этим милым доктором.

— Нет, всё в порядке. Я подожду вас. Мне спешить некуда.

— Спасибо вам большое! Я постараюсь пораньше забрать Олежку и мы приедем.

Не знаю, как объяснить, но общение с доктором Петровым так благотворно влияет на меня... Я забываю обо всех проблемах и хочется улыбаться.

Чего не скажешь о бывшем муже...

Обсудив с Леной предложение Горского, я всё никак не могу успокоиться и принять решение.

Да, я так долго шла к этому... Но работать с Горским?

Хотя он всё равно уже в моей жизни... Он будет приезжать к Олегу, забирать его... Забирать?! К своей невесте?!

Не хочу!

Надо будет обговорить с ним это. Я не против общения отца с сыном, но его невеста... Это уже перебор.

Словно какой-то барьер встаёт у меня. Не хочу, чтобы Олежка общался с невестой Горского. Она чужая ему!

С работы я ухожу пораньше. Босса всё равно не будет. Всё, что нужно, я переделала. А мне ещё надо к доктору с Олежкой успеть.

В саду меня уже встречает воспитательница. Протягивает какую-то разобранную игрушку с механизмами.

— Вот, — вздыхает.

— Олег? — задаю всего один вопрос.

Кивает.

Вздыхаю.

— Инна Игоревна, это дорогая игрушка. Придётся возме-

стить, — с сожалением в голосе говорит она.

И опять просто вздыхаю в ответ.

— Мам! — дёргает меня за рукав Олежка. Наклоняюсь и он шепчет мне в ухо: — забери! Я из неё ракету построю! Они неправильно собрали! Я переделаю и будет ракета!

Невольно улыбаюсь, глядя в горящие глаза сына. Он и правда любит всё собирать и разбирать. И любимая игрушка у него — конструктор. Наверное, этим он пошёл в деда...

В другого деда...

И сразу перед глазами ошалевший и растерянный взгляд отца Горского, когда он впервые увидел внука на моём телефоне. Этот взгляд я не могу вычеркнуть из памяти. И момент этот навсегда со мной.

Сложив разобрannую машину в пакет, мы идём с Олегом к доктору. Он встречает нас с улыбкой. Олежка сразу начинает ему что-то рассказывать, легко идёт на контакт.

Доктор быстро осматривает его.

— Всё в порядке. У вас замечательный сын! — говорит мне и подмигивает Олежке.

— Спасибо вам большое, Алексей Фёдорович! — благодарю я. — Вы извините, что пришлось задержаться из-за нас! Даже и не знаю, как благодарить вас! Вы так помогли! Побольше бы таких докторов!

— Инна, мы же договаривались с вами без отчеств этих, — улыбается он. — А то я себя чувствую старым и слишком важным! — надувает щёки и Олежка смеётся, глядя на него.

— Просто Алексей, да?

Киваю, пожимая плечами.

— И я знаю, как вы меня может отблагодарить, — чуть прищуривается. — Давайте я вас домой отвезу! А то поздно уже. А вы ведь без машины?

— Без, — произношу растерянно. — Но... — задумываюсь.

— Инна, вы сейчас так долго думаете, как будто я вас за-
муж позвал! — веселится доктор. — Это всего лишь поездка
на машине до дома. Для вашего комфорта и моего удоволь-
ствия. Поехали? — и протягивает руку Олежке.

Глава 30. Инна

Мы с Олежкой устраиваемся на заднем сиденье машины доктора Петрова.

— К музыке как относитесь? — он смотрит на нас в зеркало заднего вида.

Я пожимаю плечами, а Олежка весело кивает.

Мужчина включает лёгкую, тихую мелодию. Что-то из этнических мотивов, похоже. И мы мягко трогаемся.

За окнами мелькает вечерний город. Доктор уверенно ведёт машину к нашему дому. Он уже знает дорогу. Мне спокойно рядом с сыном, который прижимается ко мне.

И поэтому, когда в кармане вибрирует телефон, я даже вздрагиваю и пугаю сына.

Тихо извиняясь перед доктором, достаю аппарат. Звонит мама. Отвечаю сразу.

— Инна, дочка, ты не забыла, что заехать обещала сегодня? — слышу мамин голос в трубку.

Точно! Вообще из головы вылетело! Я же обещала посмотреть документы папы по работе. Вообще забыла!

— Мам, может, завтра? Я сейчас... — мнусь, — я не смогу, наверное, заехать. Да и Олежка со мной.

— Ну и хорошо же! Я как раз его любимый пирог испекла! Непременно заезжайте! И папа ждёт!

Обещаю заехать и говорю уже доктору:

— Вы знаете, мне неудобно... но остановите, мы выйдем с Олежкой. Я такси вызову. Мне к родителям заехать надо.

— А зачем на такси? Я же всё равно везу вас, — опять встречаемся взглядами с ним в зеркале. — Адрес говорите.

— Нет-нет, не надо, — мотаю головой. — Мне и так неудобно! Вы же с работы. Наверняка устали! А тут мы. Я такси вызову.

— Никаких такси. Адрес говорите, а то мы сейчас тут пробку создадим. Адрес, Инна?

Смотрю ему в улыбающиеся глаза и называю адрес родителей.

И он везёт нас туда. Мне очень неудобно.

Доктор первым выходит из машины, открывает нам с Олежкой дверь и помогает выйти.

— Спасибо вам! — благодарю его я.

— Всегда пожалуйста! — улыбается он в ответ. — Ну, скалолаз! — протягивает руку Олежке. — Хочешь на скалодром?

— Ага! — быстро кивает Олежка. — А когда? С тобой? Одёргиваю его.

Доктор переводит взгляд на меня.

— Спасибо ещё раз вам большое, Алексей, — говорю я. — До свидания! Хорошего вечера!

— Пока, — кивает он мне и подмигивает Олегу.

Взяв сына за руку, иду к подъезду. Машина не уезжает. Наверное, хочет дожидаться, когда мы зайдём.

Мама уже ждёт нас и встречает с открытой дверью. Быстро чмокает меня в щёку и зацеловывает внука.

Я иду к папе, а мама с Олежкой идут на кухню к пирогу. Его запах уже наполняет квартиру. Любимый персиковый пирог Олега.

Мы с папой присоединяемся к ним после того, как закончили с документами.

— Олж, поехали домой. Поздно уже! — зову я сына.

— Мам, можно я тут останусь? — смотрит жалобно. — Не хочу завтра в садик. Хочу с бабулей! Мне деда обещал завтра с машинкой помочь!

— Ну, Олж...

— Инна, пусть останется. Неделю Олжку не видели же, — просит мама. — Отец завтра выходной. Поиграют.

Папа кивает и тоже смотрит на меня так, что невозможно отказать. Поняв это по моему взгляду, сынок вскрикивает:

— Ура! Спасибо, мам!

Подбегает ко мне и быстро целует в щёку. А потом скрывается за дверью гостиной.

— Ну, вот, — вздыхаю я.

— Ты чего? Устала? Выглядишь уставшей, — мама мягко проводит по моей руке. — Тебе бы отдохнуть, дочка.

Просто киваю. Я ведь так и не сказала родителям про Горского. Но и сейчас не самый лучший момент.

Простившись со всеми и ещё раз поцеловав Олжку и пожелав ему приятных снов, я выхожу на улицу. Свежий ве-

черный ветер тут же обдувает лицо и я обнимаю себя руками.

И вижу знакомую машину.

Доктор? Он не уехал?

Вглядываясь, иду к машине.

Мужчина выходит и с улыбкой смотрит на меня.

— Вы что здесь делаете? — прямо спрашиваю я, не скрывая удивления.

— Вас жду, — отвечает запросто и открывает мне дверь пассажирского сиденья.

— Но...

— Я подумал, что вам же надо будет как-то доехать домой,

— улыбается он. — Ну и... решил подождать вас.

Я даже не знаю, что сказать. Просто молча наблюдаю, как он захлопывает мою дверь и сам тоже садится за руль. Заводит машину и мы трогаемся.

Едем молча.

Это всё странно и я, если честно, не знаю, что говорить.

— Инна, вы не волнуйтесь так. Я просто решил довезти вас, — вдруг произносит он. — Это ни к чему вас не обязывает, разумеется.

Ничего не отвечаю.

Так, в тишине, мы и подъезжаем к моему дому.

Доктор опять помогает мне выйти.

— Спасибо. Ещё раз, — говорю я. — Даже не знаю, как вас и благодарить. И что и думать, — усмехаюсь.

— А зачем что-то думать? Я помог вам, а вы скрасили мой

вечер. За что вам спасибо.

Улыбаюсь.

— Инна, вы не возражаете, если я позвоню вам? Ну, например, завтра?

— По поводу Олежки? — зачем-то спрашиваю я.

— Ну да, — неопределённо отвечает он.

— Конечно, звоните! — киваю.

— Ну, хорошего вечера вам! — и он протягивает мне руку.

Отвечаю.

Потом быстро разворачиваюсь и иду к подъезду. Слышу, как уезжает машина. Фух.

Как-то это всё... волнительно, что ли...

Не понимаю...

— Опять этот доктор?!

Голос Горского как громом ударяет по моему затылку. Резко оборачиваюсь и вижу, как он отделяется от стены и, склонив голову, медленно идёт ко мне.

Чёрт. Я забыла о нём!

— Где Олег? — звучит его вопрос и взгляд устремляется на меня.

Жёсткий и тяжёлый взгляд.

— У моих родителей захотел остаться, — отвечаю спокойно.

Горский выгибает бровь.

— Ты специально это делаешь, да?

— Что «это», Горский? Выражайся яснее.

— Скрываешь от меня сына. А этот... доктор Петров, — хмыкает. — Что он опять тут делает?!

— Это не твоё дело, — бросаю ему и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Но он следует за мной. Ему удаётся забежать в подъезд.

— Горский, что тебе надо, а? Олега нет. Извини, я забыла, что ты хотел приехать. Олег захотел остаться у бабушки и дедушки. Давай завтра.

Выпаливаю это всё ему в лицо и судорожно ищу ключ от квартиры. Хочу забежать туда и спрятаться.

Наконец!

Открываю дверь и собираюсь закрыть её, но нога Горского не даёт.

Молча смотрю на него, а потом на его начищенный ботинок, упирающийся в дверь. Он толкает её и я вынуждена отступить, впуская его.

Хлопок двери.

— Горский, уходи. Ты пришёл к Олегу. Олега нет. Завтра...

— А если я не только к Олегу пришёл? — наклоняет голову набок и с насмешкой смотрит на меня.

Пф. Выдыхаю, выгибая бровь.

— Инна, что за доктор, а? Вы тут настолько больны, что он каждый день сюда, как к себе домой ходит? — шуруется бывший.

Не отвечаю. Отворачиваюсь. Не хочу это обсуждать с ним.

— Инна! Я задал вопрос!

— Горский, уходи, а? Я устала. Тебя невеста не ждёт?

— Отвечай! — он резко хватает меня за руку и разворачивает к себе.

Не выдерживаю и толкаю его от себя.

Прожигаем друг друга взглядом. Я — с яростью. Он — с какой-то то ли насмешкой, то ли самодовольной ухмылкой.

Кто кого?

— Горский! Это. Не твоё. Мать твою. Дело! Не твоё! — не могу сдержаться и сама наступаю на него, сжав кулаки.

Я настолько взвинчена и напряжена, что, кажется, прикоснись сейчас ко мне, и я вспыхну!

Тлеющие угли недовольства присутствием бывшего в моей жизни вспыхивают с новой силой.

Но я готова отстаивать своё право на личную жизнь! Личную жизнь без Горского!

А что он?

Он стоит и не двигается. Как будто застыл! Как истукан стоит у меня в коридоре!

Более того, просто берёт и, не отводя от меня взгляда, рукой поворачивает ключ в замке входной двери моей квартиры.

Я негодую!

— Уходи! Я не хочу, чтобы ты тут стоял! — топаю ногой.

— Это моя квартира! Уходи, Горский!

Чуть сводит брови и смотрит на меня уже исподлобья.

— Нет, — звучит тихое, но очень пугающее.

Потому что в этом тихом хрипе столько решимости и власти...

— Я звоню в полицию! — заявляю я и даже успеваю схватить телефон.

Но Горский в ту же минуту хватается меня за запястье и дёргает на себя. Телефон выскальзывает из дрожащих от возмущения пальцев и падает на пол. Горский обнимает меня и прижимает к себе. Мне приходится отклониться назад. Не хочу так близко! Мне страшно!

— Я не уйду, Инна, — говорит он опять тихо, чуть наклоня голову и блуждая взглядом по моему лицу. — Я теперь в твоей жизни...

Приоткрываю рот, чтобы возмутиться, и упускаю момент, когда бывший резко наклоняется и впивается в мои губы.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.